

ОГ МАНДИНО

ВЕЛИЧАЙШИЙ В МИРЕ ТОРГОВЕЦ

Клуб успешных трейдеров - **Robot-Forex.com**
Мы знаем, как заработать на Форекс!

СОДЕРЖАНИЕ

ОБ АВТОРЕ.....	3
ОТЗЫВЫ	5
Глава ПЕРВАЯ.....	7
Глава ВТОРАЯ.....	10
Глава ТРЕТЬЯ	13
Глава ЧЕТВЕРТАЯ.....	19
Глава ПЯТАЯ	21
Глава ШЕСТАЯ.....	24
Глава СЕДЬМАЯ	27
Глава ВОСЬМАЯ Свиток Первый	28
Глава ДЕВЯТАЯ Свиток Второй	32
Глава ДЕСЯТАЯ Свиток Третий	34
Глава ОДИННАДЦАТАЯ Свиток Четвертый	36
Глава ДВЕНАДЦАТАЯ Свиток Пятый.....	38
Глава ТРИНАДЦАТАЯ Свиток Шестой.....	40
Глава ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ Свиток Седьмой.....	42
Глава ПЯТНАДЦАТАЯ Свиток Восьмой	44
Глава ШЕСТНАДЦАТАЯ Свиток Девятый.....	47
Глава СЕМНАДЦАТАЯ Свиток Десятый.....	49
Глава ВОСЕМНАДЦАТАЯ	51

ОБ АВТОРЕ

Книги Ога Мандино, разошедшиеся миллионными тиражами, сделали своего создателя одним из самых читаемых авторов последнего десятилетия, занимающихся проблемами саморазвития человека.

В 1976 году, когда ему было 52 года, он поразил издательскую индустрию тем, что оставил руководство журналом "Саксэсс Аллимитед", и все свое время посвятил литературной и лекционной работе, став одним из самых любимых в стране ораторов.

Тысячи людей из семнадцати стран — от администраторов американских корпораций до рабочих японских фабрик, от заключенных мексиканских тюрем до немецких домохозяек, от тренеров Национальной Футбольной Лиги до филиппинских монахинь — говорят в своих письмах о неоплатном долге перед Огом Мандино за то чудо, которое внесли его слова в их жизнь.

ОГ МАНДИНО

ВЕЛИЧАЙШИЙ В МИРЕ ТОРГОВЕЦ

*Эта книга с почтением посвящается великому торговцу
В.КЛЕМЕНТ СТОУНУ,
который соединил любовь, сострадание и уникальную систему ведения
торговли в живую философию успеха, которая ежегодно вдохновляет
тысячи людей, открывая великую радость, источник душевного и физиче-
ского здоровья, гармонии ума, силы и богатства.*

ИСТОРИЯ ИЗДАНИЯ

Под редакцией Фредерика Фелла опубликована в январе 1968 года

До 1973 года — 35 изданий

Под редакцией Бантам — март 1974

До января 1983 — 37 изданий.

Книги Ога Мандино

"Служение Христа"

"Дар Акабара" (с Бадди Кайи)

"Величайшее в мире чудо"

"Величайший в мире торговец"

"Величайшая в мире тайна"

"Величайший в мире успех"

"Университет успеха Ога Мандино"

ОТЗЫВЫ

"Величайший в мире торговец" — одна из самых вдохновляющих и увлекательных книг, которые я когда-либо читал. Мне понятно, почему она получила такое блестящее признание".

Норман Винцент Пелл

"Наконец-то, появилась книга о сбыте и торговле, способная порадовать и ветерана, и новичка в равной степени! Я только что закончил второй раз читать "Величайшего в мире торговца" — книга слишком хороша, чтобы ограничиться одним прочтением — и со всей искренностью говорю, что это самое ясное, самое толковое и самое полезное руководство для обучения торговому делу, которое я когда-либо читал".

*Ф. В. Эрриго, менеджер.
Американская торговая школа Парк,
Дэвис и К".*

"Я никогда не пропускаю ни одной книги, когда-либо написанной о торговле, и думаю, все они охвачены Ог Мандино в его "Величайшем в мире торговце". Никто не будет неудачным торговцем, если он следует этим правилам, и никто не станет без них воистину велик; но, помимо изложенных правил, автор сделал нечто большее — он вплел их в ткань одной из самых чарующих историй, которые я когда-либо читал".

*Пол Дж. Мейер, президент института
мотивации успеха, Инк.*

"Каждый торговый управляющий должен прочесть "Величайшего в мире торговца". Эту книгу хорошо держать у изголовья или на столе в гостиной, чтобы при необходимости изучать ее, время от времени перелистывать, мало-помалу проникаться ею. Эта книга на час и на годы, книга, к которой обращаешься снова и снова, как к другу, книга морального, духовного и этического руководства, неиссякающий источник утешения и вдохновения".

Лестер Дж. Брадиам Младший, бывший декан института ораторского искусства и проблем взаимоотношения между людьми Дейла Карнеги

"Величайший в мире торговец" поразил меня. Это, без сомнения, самая великая и трогательная история, которую я когда-либо читал. Она так хороша, что я связал бы с нею два правила: во-первых, вы не должны откладывать ее, не дочитав, во-вторых, каждый человек, который чем-то торгует (а таковы мы все), должен прочитать ее".

Роберт Б. Хенсли, президент страховой компании из Кентукки

"Ог Мандино, мастерски разворачивая свое повествование, захлестывает ваше внимание и приводит в восхищение. "Величайший в мире торговец" — это книга со страстным обращением к миллиону".

Рой Гарн, исполнительный директор института Эмошнл Аппил

"Я только что, не отрываясь, прочел "Величайшего в мире торговца". Замысел оригинален и ясен. Стиль интригует и чарует. Послание воодушевляет и трогает. Каждый из нас, независимо от своей должности или профессии, знает, что такое торговаться с самим собой, и прежде всего, человеку необходимо этому научиться, чтобы обрести личное счастье и умиротворение. Эта книга, если ее внимательно прочитать, воспринять и осмыслить, может помочь любому из нас стать своим лучшим торговцем".

Д-р Луиз Бинсток, раввин синагоги Шолом", Чикаго

Глава ПЕРВАЯ

Хафид задержался перед бронзовым зеркалом и, глядя на свое отражение в блестящем металле, пробормотал: "Только глаза и сохранили молодость", — отвернулся и медленно направился в конец зала. Шаркая, он прошел сначала между колонн из черного оникса, поддерживающих вызолоченные и посеребренные потолки, потом мимо резных столов из кипариса и слоновой кости.

На кушетках, диванах и стенах поблескивали украшения из черепашьих панцирей, инкрустированных драгоценными камнями, отливала парча с искуснейшими узорами. Огромные пальмы в бронзовых сосудах обрамляли фонтан с мраморными нимфами, и цветочные вазы, отделанные драгоценностями, состязались в привлекательности со своим содержимым. Ни один посетитель не мог бы усомниться, что владелец дворца действительно человек очень богатый.

Старик миновал крытый сад и прошел на свой товарный склад, который растянулся за особняком на пятьсот шагов. Эрасмус, главный казначей, в нерешительности ожидал его у входа.

— Здравствуйте, господин.

Хафид кивнул и молча последовал дальше. Эрасмус двинулся за ним, и лицо его явно выражало обеспокоенность необычным предложением хозяина встретиться с ним в этом месте. Возле помостов Хафид задержался, чтобы взглянуть на товары, которые снимали с груженных повозок, переносили в отдельные палатки и пересчитывали.

Тут были тонкие холсты и шерсть, пергамент и мед, ковры и масло из Средней Азии; стекло, фиги, орехи и бальзам из этих мест; ткани и лекарства из Пальмиры; имбирь, корица и ценные минералы из Аравии; зерно, бумага, гранит, алебастр и базальт из Египта; гобелены из Вавилона, картины из Рима, а также статуи из Греции. Воздух был пропитан бальзамом, но чувствительный к запахам старый Хафид также различал аромат сладкого изюма, яблок, сыра и смоквы.

Наконец он обернулся к Эрасмусу.

— Старина, сколько сейчас у нас в казне?

Эрасмус побледнел.

— Всего, хозяин?

— Всего.

— Я не подводил окончательного счета, но полагаю, что там не менее семи миллионов золотых талантов.

— А если все добро в моих складах и лавках обратить в золото, сколько это будет?

— Опись за этот сезон еще не закончена, господин, но я прибавил бы еще как минимум три миллиона талантов.

Хафид кивнул.

— Товаров больше не закупай. Не медля начни делать приготовления для продажи всего принадлежащего мне, я хочу обратить все в золото.

Казначей открыл рот, но не смог извлечь ни звука. Он зашатался как от удара и, когда, наконец, смог заговорить, с трудом вымолвил:

— Я не понимаю, господин. Это был наш самый удачный год. Каждая лавка отчиталась об увеличении доходов по сравнению с прошлым сезоном. Даже римские легионеры стали теперь нашими покупателями, ибо разве ты не продал прокуратору Иерусалима двести арабских жеребцов за две недели? Прости мою дерзость, не часто я спрашиваю о твоих приказах, но этого мне не понять...

Хафид улыбнулся и мягко пожал Эрасмусу руку.

— Мой верный друг, сумеешь ли ты припомнить первое распоряжение, которое получил от меня, когда начал работать здесь много лет назад?

Эрасмус на мгновение нахмурился, затем его лицо прояснилось.

— Ты повелел мне каждый год отделять от нашей казны половину дохода и раздавать бедным.

— Не счел ли ты меня тогда безрассудным?

Хафид кивнул и указал в направлении помостов с товарами.

— Теперь ты видишь, что твои опасения были безосновательны?

— Да, господин.

— Тогда не спеши осудить мое решение, пока я не объясню тебе своих намерений. Я уже стар и прихотлив. Моя возлюбленная Лиша после стольких счастливых лет взята от меня, и поэтому я желаю раздать все свое богатство беднякам этого города. Я оставляю себе ровно столько, чтобы завершить свою жизнь без хлопот. Я хочу, чтобы ты, помимо распоряжения нашим имуществом, приготовил необходимые документы для передачи владения каждой моей

лавкой тому, кто управлял ею. Я желаю также, чтобы ты разделил между управляющими пять тысяч золотых талантов в награду за многие годы верной службы с тем, чтобы они могли заполнить свои прилавки чем пожелают.

Эрасмус начал было говорить, но Хафид жестом остановил его. Казначей склонил голову и попытался улыбнуться.

— Нет, господин, я просто не могу понять ход твоей мысли. Ты говоришь как человек, дни которого сочтены.

— Это в твоём характере, Эрасмус, — беспокоиться обо мне прежде себя. Ты не думаешь, что станет с тобой, когда наша торговая империя распадется?

— Мы были товарищами многие годы. Как же я могу теперь думать лишь о себе?

Хафид обнял своего друга и ответил;

— Это и не нужно. Я прошу тебя теперь же перевести пятьдесят тысяч золотых талантов на твоё имя и умоляю оставаться со мною, пока я не исполню обещание, данное мною очень давно. Когда оно будет выполнено, я завещаю тебе этот дворец и склад, ибо тогда буду готов воссоединиться с Лишей.

Старый счетовод растерянно смотрел на своего хозяина.

— Пятьдесят тысяч золотых талантов, дворец, склад... Я не достоин...

Хафид кивнул.

— Я всегда считал дружбу с тобой величайшим достоянием. То, что я даю тебе сейчас, — это лишь малая толика в сравнении с твоей бесконечной преданностью. Ты овладел искусством жить не только для себя, но и для других, и эта заботливость выделяет тебя среди людей. Теперь я желаю, чтобы ты ускорил осуществление моих планов. Время — самый дорогой товар, которым я владею, и песок в часах моей жизни почти на исходе.

Эрасмус отвернулся, чтобы скрыть слезы. Дрогнувшим голосом он спросил:

— А что за обещание ты должен исполнить? Хотя мы как братья, я ничего не слышал от тебя об этом.

Хафид развел руками и улыбнулся.

— Я встречу с тобой снова после того, как ты исполнишь утренние распоряжения, и открою тебе секрет, которым я за тридцать с лишним лет не поделился ни с кем, кроме моей возлюбленной жены.

Глава ВТОРАЯ

Вскоре из Дамаска отправился тщательно охраняемый караван с грамотами на владение имуществом и с золотом для управляющих всеми торговыми лавками Хафида. Все десять управляющих, от Обеда из Джеппы до Рэйеля из Петры, приняли известие об удалении Хафида от дел и подарки от него в изумленном молчании. Сделав последнюю остановку у лавки в Анти-патрисе, караван завершил свою миссию.

Самая могущественная торговая империя своего времени прекратила существование.

Опечаленный Эрасмус велел передать хозяину, что склад опустел и над лавками нет больше величавых флагов Хафида. Посыльный вернулся к Эрасмусу с распоряжением немедленно встретиться с хозяином у персидского фонтана.

Вглядываясь в лицо своего друга, Хафид спросил:

— Готово?

— Готово.

— Не огорчайся, добрый друг, и следуй за мной.

Хафид вел Эрасмуса к мраморной лестнице в задней части дома, и стук их сандалий эхом разлетался по огромному залу. Когда они приблизились к вазе, отдельно стоящей на высоком постаменте из апельсинового дерева, Хафид замедлил шаг и с улыбкой наблюдал, как солнечный свет изменяет цвет стекла от белого до фиолетового.

Пока они поднимались по ступеням, ведущим в комнату под куполом, Эрасмус заметил, что вооруженного стражника, который всегда стоял у лестницы, уже не было. Добравшись до лестничной площадки, они ненадолго остановились, чтобы перевести дыхание, а когда дошли до второй площадки, Хафид достал из-за пояса маленький ключ и отпер тяжелую дубовую дверь, налегая на нее, пока она со скрипом не отворилась. Хозяин кивнул стоявшему в нерешительности Эрасмусу, и тот робко ступил в комнату, куда никому не позволялось входить более трех десятков лет.

Серый и тусклый свет просачивался сверху через проемы в башенках, и Эрасмус не отпускал руки Хафида, пока глаза его не привыкли к полутьме. Слабо улыбаясь, Хафид наблюдал, как Эрасмус медленно осматривает комнату, которая была бы совершенно пустой, если бы не маленький сундук из кедра, который стоял в углу, освещенный солнцем.

— Ты не разочарован, Эрасмус?

— Не знаю, что сказать, господин.

— Как ты находишь обстановку? Эта комната, несомненно, — загадка для многих. Тебя не удивляла, не беспокоила таинственность, с которой эту вещь я столь ревностно оберегал все это время?

Эрасмус кивнул.

— Это так. Все эти годы было много сплетен и слухов о том, что прячет наш хозяин в башне.

— Да, друг мой, и большинство из них я слышал. Говорили, что здесь находятся бочки с алмазами, золотые слитки или дикие животные и редкие птицы. Однажды перс, торгующий коврами, сказал, что, вероятно, я здесь держу небольшой гарем. Лиша рассмеялась, представив меня в кругу наложниц. Но, как ты можешь видеть, здесь нет ничего, кроме маленького ящика. Подойдем же.

Мужчины склонились над сундуком, и Хафид начал осторожно распускать кожаные ремни, стягивавшие ларец. Он глубоко вдохнул аромат древесины и, наконец, осторожно поднял крышку. Эрасмус подался вперед через плечо Хафида взглянул на содержимое, потом на хозяина и в недоумении опять посмотрел вниз. Там не было ничего, кроме свитков... кожаных свитков.

Хафид бережно извлек один из них, прижал к груди и закрыл глаза. Безмятежное выражение появилось на его лице и морщины разгладились. Затем он поднялся и указал на ларец.

— Даже если бы эта комната была доверху наполнена алмазами, стоимость их не превзошла бы того, что ты видишь своими глазами в этом простом деревянном ящике. Весь успех, счастье, любовь, умиротворение и богатство, доставшееся мне, прямо связаны с содержимым этих нескольких свитков. Навеки я в неоплатном долгу перед мудрецом, доверившим мне заботу о них.

Испуганный интонацией Хафида, Эрасмус отступил назад и спросил:

— И это тайна, о которой ты говорил? Эти свитки как-то связаны с обетом, который ты еще должен исполнить?

— На оба вопроса отвечу "да"

Эрасмус вытер со лба испарину и взглянул на Хафида с недоверием.

— Что же записано на листах, которые ты ценишь выше алмазов?

— Это свитки, все, кроме одного, заключают в себе некое пра-

вило, закон или фундаментальную истину, изложенные в особой форме, помогающей понять их значение. Чтобы овладеть искусством торговли, нужно постичь и научиться использовать секрет каждого свитка. Кто постигнет эти законы, тот властен собрать любое состояние, какое только пожелает.

Эразмус посмотрел на старые свитки со страхом.

— Даже такое богатство, как твое?

— Если захочет, то и больше.

— Ты утверждаешь, что все свитки, кроме одного, содержат правила торговли. А что в последнем свитке?

— Последний свиток, как ты его назвал, должен быть прочитан первым, поскольку все они пронумерованы для чтения в особом порядке. И этот первый свиток содержит тайну, которая на протяжении всей истории была доверена лишь горстке мудрецов.

В первом свитке указан воистину самый прямой путь к постижению того, что записано в остальных.

— Выходит, эта задача по силам не каждому?

— На самом деле, это простая задача, требующая от человека готовности вовремя расплачиваться и оставаться внимательным до тех пор, пока каждый закон не станет частью его личности, пока каждое правило не станет привычкой.

Эразмус склонился к ларцу и извлек один — из свитков. Осторожно держа его в руке, он указал им в сторону Хафида.

— Прости, господин, но почему же ты не поделился этими правилами с другими, особенно с теми, кто долго работал у тебя? Ты всегда был столь великодушен, почему же все, кто торговал для тебя, не получили возможность прочесть слово мудрости и стать богатыми? Благодаря такому ценному знанию все могли бы стать более совершенными продавцами. Почему ты все годы держал эти правила при себе?

— У меня не было выбора. Когда много лет назад эти свитки были даны мне на хранение, я поклялся, что поделюсь их содержанием только с одним человеком. Тогда я не понял смысла столь странного требования, но мне было велено применять эти правила только до тех пор, пока не появится тот, кто бы нуждался в помощи и руководстве этих свитков больше, чем я, когда был юношей. Также мне было сказано, что по некоему знаку я узнаю человека, которому должен передать их, даже если он и не знает, что именно ищет.

Я терпеливо ждал и по дозволению использовал — эти прави-

ла. Благодаря знаниям, я стал тем, кого многие называют величайшим в мире торговцем, подобно человеку, от которого я унаследовал эти свитки, величайшему торговцу своего времени. Теперь, Эрасмус, ты поймешь, наконец, почему некоторые действия, совершенные мной в эти годы и казавшиеся тебе странными и бесполезными, приносили успех. В своих делах и решениях я всегда руководствовался этими свитками, поэтому не моей мудростью мы заработали так много золотых талантов. Я был только исполнителем.

— Ты до сих пор веришь, что тот, кто должен получить от тебя эти свитки, еще появится, ведь прошло столько времени?

— Да.

Хафид бережно уложил свитки и закрыл сундук. Не поднимаясь с колен, он тихо спросил:

— Ты останешься со мною до того дня, Эрасмус?

Казначей пересек полосу света и подал руку Хафиду, потом кивнул и словно по безмолвному указанию своего хозяина вышел из комнаты. Хафид затянул ремни, поднялся и вошел в маленькую башенку, затем ступил на балкон, окружавший большой купол.

В лицо его дул восточный ветер, наполненный запахами озер и раскинувшейся за ними пустыни. Старик улыбался, глядя на кровли Дамаска, и мысли его перенеслись в прошлое.

Глава ТРЕТЬЯ

Была зима, и на Масличной горе стоял холод. От Иерусалима через узкое ущелье долины Кедрон из Храма доносился запах дымящихся жертвоприношений и воскурений, этот тяжелый дух смешивался со жгучим запахом растущих на горе терпентинных деревьев.

Огромный торговый караван Патроса из Пальмиры остановился для отдыха на том открытом склоне, что возвышался над Вифанией. В этот поздний час все стихло; даже любимый жеребец великого торговца перестал щипать низкие фисташковые деревья и застыл возле податливой лавровой изгороди.

За длинной вереницей притихших палаток, вокруг четырех древних слив образовался квадратный загон из густых зарослей конопли, в котором с трудом можно было различить-сбившихся кучу продрогших животных — ослов и верблюдов. Весь лагерь замер,

двигались только двое стражников, охранявших повозки, высокая тень на стене большого шатра из козьего волоса.

Внутри шатра расхаживал рассерженный Патрос. Он изредка останавливался, встряхнув головой, глядел на оробевшего юношу, преклонившего колени у входа. Наконец, он опустился всем телом на вышитый золотом ковер и кивком поздравил к себе юношу.

— Хафид, всегда ты мне был как родной. Я поражен и сбит с толку твоими странными речами. Ты не доволен своей работой?

Юноша не сводил глаз с ковра.

— Нет, господин.

— Может, из-за того, что наши караваны становятся все больше, тебе стало слишком тяжело ухаживать за всеми животными?

— Нет, господин.

— Тогда повтори, пожалуйста, свою необычную просьбу и поясни ее.

— Я хочу быть продавцом твоих товаров, а не простым пастухом. Я хочу стать таким, как Хадад, Симон, Салев и остальные, которые уходят отсюда с верблюдами, едва ступающими под тяжестью товаров, и возвращаются с золотом для тебя и для себя. Я хочу выйти в люди. Пока я погонщик верблюдов — я ничто, но, став твоим продавцом, я смогу обрести богатство и успех.

— Откуда ты знаешь это?

— Я часто слышал от тебя, что нет другого такого дела или занятия, которое давало бы столько возможностей превратиться из нищего в очень богатого человека, как торговля.

Патрос хотел было согласиться, но задумался и продолжил спрашивать юношу.

— Ты уверен, что сможешь вести дела подобно Хададу и другим торговцам?

Хафид пристально взглянул на старика и сказал:

— Много раз я слышал, как Салев жаловался тебе о своих неудачах с продажей, и каждый раз ты напоминал ему, что любой может продать все твои товары в самое короткое время, если только потрудится усвоить правила и законы торговли. Если ты считаешь, что Салев, которого все называют глупцом, может постичь эту науку, тогда почему я не могу получить это особое знание?

— Если ты овладеешь этими правилами, что будет целью твоей жизни?

Хафид помедлил, а затем произнес:

— В этих краях часто повторяют, что ты великий торговец.

Мир еще не видел такой торговой империи, как та, что ты построил, благодаря своему умению торговать. Моя цель — превзойти твое величие, стать богатейшим человеком и величайшим торговцем во всем мире!

Патрос, откинувшись назад, рассматривал молодое смуглое лицо Хафида. От одежды юноши еще пахло скотным двором, но в его манерах смирения было немного.

— А что ты станешь делать с огромным богатством и той чудовищной силой, которую оно неизбежно приносит?

— Я буду делать как ты. Моя семья будет обеспечена лучшим, что есть в мире, а остальным я поделюсь с теми, кто пребывает в нужде.

Патрос склонил голову.

— Богатство, сын мой, никогда не должно быть целью жизни. Ты красноречив, но это только слова. Истинное сокровище в сердце, а не в кошельке.

Хафид не отступал:

— А ты, господин, разве не богат?

Старик улыбнулся смелости Хафида.

— Хафид, что касается земного богатства, есть только одно различие между мною и последним нищим возле дворца Ирода. Нищий думает исключительно о своей предстоящей трапезе, а я думаю о трапезе, которая станет последней в моей жизни. Нет, сын мой, не домогайся богатства и не трудись только затем, чтобы стать богатым. Лучше стремись к счастью, желай любить и быть любимым, но прежде всего, ищи умиротворение и безмятежность.

Хафид не отступал:

— Но этого не получить без золота. Кто может спокойно жить в нищете? Как можно быть счастливым, когда пусто в желудке? Разве можно проявить любовь к семье, если не можешь накормить их, одеть и дать крышу над головой? Чем же плохо мое стремление быть богатым? Бедность может быть полезна и может стать образом жизни для отшельника в пустыне, ибо только себя он должен поддерживать и только Богу служить, но для меня бедность — это признак недостатка либо способностей, либо честолюбия. У меня же хватает и того, и другого!

Патрос нахмурился.

— Откуда эти столь честолюбивые устремления? Ты говоришь о содержании семьи, однако у тебя нет родных. Я усыновил тебя, когда чума унесла твоих родителей.

Даже сквозь загар была видна краска, внезапно прилившая к щекам Хафида.

— В дороге, когда мы останавливались в Хевроне, я встретил дочь Калнеха. Она... она...

— О, похоже, правда выходит наружу. Любовь, а не благородные идеалы превратили погонщика моих верблюдов в отважного воина, готового победить мир. Калнех очень богатый человек. Его дочь и погонщик верблюдов? Никогда! Но его дочь и богатый, молодой красавец-торговец... о, это другое дело. Очень хорошо, мой юный воин, я помогу тебе начать путь торговца.

Парень упал на колени и схватил край одежды Патроса.

— Господин, господин! Как, какими словами я могу выразить свою благодарность:

Патрос вырвался из рук Хафида и отступил назад.

— Я советую тебе оставить свои благодарности при себе. Любое содействие, которое я окажу тебе, будет песчинкой по сравнению с той горой, которую тебе предстоит сдвинуть самому.

Радость Хафида сразу же улеглась, и он спросил:

— Ты не обучишь меня правилам и законам, которые превратят меня в большого торговца?

— Я — нет. Я не баловал тебя, поэтому твоя юность не была легкой. Меня часто осуждали за то, что я обрек своего приемного сына на жизнь погонщика, но я верил, что если внутри горит подлинный огонь, то он в свое время покажется... и когда это произойдет, ты получишь большее воздаяние за все эти годы тяжелейшего труда, чем любой другой человек. Твоя последняя просьба обрадовала меня, ибо огонь честолюбия горит в твоих глазах и лицо твое пылает желанием. Это хорошо, и суд мой оправдал тебя, но все же тебе предстоит доказать, что ты не зря здесь сотрясал воздух.

Хафид промолчал, и старик продолжал:

— Прежде всего ты должен доказать мне и, что более важно, самому себе, что ты можешь вести жизнь торговца, ибо ты выбрал нелегкий удел. Да, ты много, раз слышал от меня, что велика награда преуспевающего, но велика она только потому, что столь немногие преуспевают. Многие предаются унынию и ослабевают, не ведая, что уже обладают всем необходимым для стяжания большого богатства. Множество других относятся к преградам на своем пути со страхом и недоверием, считая их врагами, тогда как, на самом деле, эти преграды — друзья и помощники. Препятствия необходимы для успеха, ибо в торговле, как и во всяком значительном пред-

приятии, победу одерживают только после множества схваток и неисчислимых поражений. С каждой неудачей, с каждым проигрышем возрастает твое мастерство и сила, твое мужество и выносливость, твой талант и уверенность. Любое препятствие — это союзник, ведущий тебя к совершенству... или к отступлению. Каждый барьер — это возможность продвинуться вперед; отвратись ты от них, начни избегать их — и ты упустишь свое будущее.

Юноша хотел что-то сказать, но старик продолжал:

— Кроме того, ты берешься за дело, которое обрекает на одиночество больше, чем любое другое. Даже никчемные сборщики податей возвращаются к закату солнца домой. Ты же встретишь множество закатов вдали от друзей и близких. Ничто не может сравниться с той болью одиночества, которую ощущаешь, когда проходишь в темноте мимо незнакомого дома и видишь, как в освещенной комнате собирается семья, чтобы преломить вечерний хлеб.

В эти минуты тебя начнут одолевать искушения, — продолжал Патрос, — и от того, как ты встретишь их, во многом зависит твоя карьера.

Когда на дороге только ты и твой мул, испытываешь странное и часто пугающее чувство. Иногда наши намерения и цели на время забываются, и мы становимся незащищенными, как дети, и мы меняем род занятий. Так завершилась карьера многих, и среди них тысячи весьма одаренных в торговом деле. Более того, никто не ободрит тебя и не утешит, если ты не продашь товар; разве лишь те, кто хотят разлучить тебя с твоим кошельком.

— Я буду осторожен и запомню твои секреты.

— Тогда начнем. Сейчас указаний ты больше не получишь. Ты подобен зеленому инжиру. Пока инжир не созрел, его нельзя назвать инжиром, и пока ты не проверил на деле свои знания и опыт, тебя нельзя назвать торговцем.

— С чего же мне начать?

— Утром ты пойдешь к товарным повозкам, найдешь Сильвио. Он даст тебе один из лучших плащей, на нем нет швов, козья шерсть выдерживает самые сильные дожди, а красная краска из корней madder — самая устойчивая. Возле кромки ты найдешь вышитую изнутри маленькую звезду, знак Толы, это у него шьют лучшие в мире плащи. Рядом со звездой мой знак — круг внутри квадрата. Оба этих знака известны и уважаемы по всей стране, и мы продали тысячи таких плащей. С иудеями я так давно не общался,

что помню только, как они называли такую одежду *абейях*.

Возьми плащ, осла и отправляйся вниз в Вифлеем, в то селение, которое мы проходили, прежде чем прибыли сюда. Ни один из наших продавцов даже не зашел туда. Они считают это пустой тратой времени, потому что люди там слишком бедны, однако много лет назад я продал тамошним пастухам сотни плащей. Оставайся в Вифлееме, пока не продашь плащ.

Хафид кивнул, тщетно пытаясь скрыть свое возмущение.

— Хозяин, за какую цену я должен продать плащ?

— В книге я запишу на твое имя один серебряный динарий. По возвращении ты передашь мне один серебряный динарий. Все, что получишь сверх этого, оставь себе как вознаграждение, а посему сам назначишь цену плаща. Ты можешь пойти на базар, что у южных ворот города, или же зазывать покупателей в самом городе у каждого дома, которых, я полагаю, не меньше тысячи. В любом случае, один плащ там можно продать, согласен?

Хафид кивнул, он думал уже о завтрашнем дне.

Патрос положил руку на его плечо.

— До твоего возвращения я никого не поставлю на твое место. Если ты не почувствуешь вкуса к этому занятию, я пойму, и тебе не нужно будет этого стыдиться. Никогда не стесняйся неудачных попыток, ибо только тот никогда не терпел поражения, кто никогда не рисковал. Когда ты вернешься, я подробно спрошу тебя о твоих впечатлениях. И тогда я решу, помогать ли тебе в исполнении твоих чудных мечтаний.

Хафид поклонился и обернулся к выходу, но старик еще не закончил.

— Сын, есть одна заповедь, которую ты должен запомнить, начиная новую жизнь. Всегда храни ее в своей памяти, и ты справишься с любыми, кажущимися непреодолимыми препятствиями, которые неминуемо у тебя будут, как у всякого человека, обладающего честолюбием.

Хафид ждал.

— Да, господин?

— Неудача не сломит тебя, если сильна твоя решимость.

Патрос приблизился и спросил:

— Все ли ты понял из последних моих слов?

— Да, господин.

— Тогда повтори их мне!

— *Неудача не сломит меня, если сильна моя решимость.*

Глава ЧЕТВЕРТАЯ

Хафид отложил ломоть хлеба, который он начал было есть, и задумался о превратностях своей судьбы.. Завтра будет четыре дня, как он в Вифлееме, а единственный красный плащ, который он так самонадеянно взял в караване, все еще находится в тюке на ослике, который был теперь привязан к камню в пещере за постоянным двором.

Не обращая внимания на шум переполненной трапезной, он хмуро глядел на свой недоеденный ужин. Сомнения, охватывающие каждого торговца во все времена, терзали его:

"Почему люди не слушают меня? Как можно завладеть их вниманием? Почему они закрывают двери прежде, чем я успеваю произнести пару слов? Почему они теряют интерес к тому, что я начинаю говорить, и уходят прочь? Неужели все в этом городе так бедны? Что я могу ответить, когда они говорят, что им нравится плащ, но они не могут себе позволить купить его? Почему многие хотят, чтобы я пришел в другой день? Как же продают другие, если я не могу? Что за страх овладевает мной, когда я подхожу к закрытой двери, и как мне победить его? Может, моя цена не совпадает с ценами других торговцев?"

Он с досадой тряхнул головой. Возможно, эта жизнь не для него. Возможно, ему следовало оставаться погонщиком и изо дня в день продолжать получать медяки за тяжелую работу. Какой же из него выйдет продавец, если он вернется в караван без дохода? Как Патрос назвал его? Юным воином? Ему захотелось снова оказаться рядом со своими верблюдами.

Потом его мысли перенеслись к Лише и ее строгому отцу Калнеху, и сомнения сразу же оставили его. Сегодня он снова заночует на холмах, чтобы не тратить денег, а завтра опять будет продавать плащ. Кроме того, он будет говорить с таким красноречием, что за плащ дадут хорошую цену. Он встанет рано, как только рассветет, и выберет хорошее место. Он не пропустит ни одного прохожего и очень скоро вернется к Масличной горе с серебром в кошельке.

Он стал доедать хлеб и подумал о своем хозяине. Патрос будет гордиться им, потому что он не отчаялся и не сдался. Правда, четы-

ре дня — это слишком большой срок для продажи всего одного плаща, но если удастся завершить это дело в четыре дня, то можно научиться у Патроса, как это сделать в три, затем и в два дня. Со временем он станет так искусен, что будет продавать кучу плащей каждый час! Тогда он действительно станет знаменитым.

Он покинул шумный постоялый двор и направился к пещере, за своим осликом. Было холодно, трава покрылась изморозью и листья жалобно похрустывали под его башмаками. Хафид решил, что не поедет сегодня на холмы, а заночует со своим ослом в пещере.

Хафид надеялся, что завтрашний день будет лучше, хотя и сам теперь понял, почему другие всегда обходили эту неблагополучную деревню. Они говорили, что здесь нельзя ничего заработать, и он вспоминал эти слова всякий раз, когда кто-нибудь отворачивался от его товара. Как же Патрос некогда распродал здесь сотни халатов? Возможно, времена тогда были другие, и, к тому же, Патрос великий торговец.

Мерцавший в пещере свет насторожил его, если внутри вор — надо ускорить шаг. И он бросился в проем известняковой пещеры, готовый одолеть разбойника и вернуть свои вещи. Но он успокоился, как только оказался на пороге.

Маленькая свечка, воткнутая в расщелину на стене пещеры, слабо освещала бородатого мужчину и молодую женщину, прижавшихся друг к другу. В вогнутом камне, из каких обычно кормят скот, стоявшем у их ног, спал младенец. Хафид плохо разбирался в таких вещах, но, судя по красноватой коже ребенка, это был новорожденный. Чтобы защитить ребенка от холода, мужчина и женщина накрыли его своими накидками, так что видна была только головка.

Мужчина кивнул Хафиду, а женщина пододвинулась ближе к ребенку. Оба молчали. Женщина дрожала, и Хафид увидел, что тонкая одежда не спасает ее от пещерной сырости. Хафид снова перевел взгляд на младенца и с умилением смотрел, как ребенок открывает рот, при этом будто бы улыбаясь, и странно, тут он почему-то подумал о Лише. Женщина снова вздрогнула, и это движение вернуло Хафида к реальности.

После болезненных приступов нерешительности Хафид снова почувствовал себя торговцем. Он подошел к своему ослу, развязал мешки, достав плащ, раскатал его и разгладил руками. Красный цвет заиграл при свете свечи, и Хафид увидел на подкладке знак Патроса и знак Толы — круг в квадрате и звезду. Сколько раз в эти

три дня он держал в руках этот плащ? Ему казалось, что он уже знает каждое переплетенье, каждый волосок. Это и в самом деле отличный плащ. Если беречь его, он прослужит всю жизнь.

Хафид закрыл глаза и вздохнул, потом быстро подошел к молодому семейству, опустился на колени перед ребенком, осторожно вынул из яслей поношенные накидки и передал их отцу и матери. Оба были так ошеломлены этим поступком, что не проронили ни слова. Затем Хафид распахнул свой дорогой красный плащ и бережно укрыл им спящего младенца.

Выйдя из пещеры, Хафид еще долго вспоминал выражение благодарности на лице молодой женщины. Прямо над ним висела самая яркая звезда, которую он когда-либо видел. Он смотрел на нее, пока глаза его не наполнились слезами, а потом направился со своим осликом по дороге, ведущей к Иерусалиму, к горе, где стоял караван.

Глава ПЯТАЯ

Хафид медленно ехал, склонив голову, и уже забыл про звезду, освещавшую его путь. Зачем он сделал такую глупость? Он не знал тех людей в пещере. Почему он не попытался продать им плащ? Что он ответит Патросу и остальным? Они будут кататься по земле от смеха, узнав, что он отдал вверенный ему товар для чужого младенца в пещере. Что бы выдумать для Патроса? Можно сказать, что плащ украли из тюка, когда он был в трапезной. Поверит ли Патрос? В конце концов, в этой стране полно разбойников. А если и поверит, то разве не осудит за беспечность?

Через некоторое время он добрался до Гефсиманского сада, там спешился и понуро шел впереди осла до самого каравана. Было светло как днем и встреча, которой он так боялся, состоялась сразу же: он увидел Патроса, который стоял у палатки и разглядывал небосвод. Хафид замер, но старик уже заметил его.

Взволнованный Патрос подошел к юноше и спросил:

— Ты идешь прямо из Вифлеема?

— Да, господин.

— Тебя не удивило, что за тобою следует звезда?

— Я не заметил, господин.

— Не заметил? Я не могу сойти с места с тех пор, как увидел звезду, восшедшую над Вифлеемом два часа назад. Я никогда не

видел звезд подобного цвета и величины. Потом она начала двигаться и оказалась над нашим караваном. Смотри, теперь она прямо над нами и, клянусь богами, она остановилась.

Патрос вплотную приблизился к юноше и, всматриваясь в его лицо, спросил:

— Ты не заметил чего-нибудь необычного, когда был в Вифлееме?

— Нет, господин.

Старик нахмурился и погрузился в раздумье.

— В жизни я не видел такой ночи, и не переживал ничего подобного.

Хафид вздрогнул.

— И я никогда не забуду эту ночь, хозяин.

— О, сегодня точно что-то произошло. Почему ты возвращаешься в столь поздний час?

Хафид молчал. Тогда старик повернулся и ткнул тюк на осла Хафида.

— Пусто! Наконец-то удача. Зайди ко мне в палатку и расскажи, почему звезда пошла за юным пастухом, о своих приключениях. Раз боги обратили ночь в день, то я не смогу спать, и, может, твой рассказ как-то объяснит.

Патрос лег на матрац с закрытыми глазами и слушал длинный рассказ Хафида о бесчисленных отказах и оскорблениях, выпавших на его долю в Вифлееме. Он то кивал, то улыбался, слушая, сначала о торговце горшками, который выбросил Хафида из своей лавки, потом о римском солдате, что швырнул халат в лицо Хафиду после отказа понизить цену.

Наконец, Хафид охрипшим глухим голосом поведал о сомнениях, одолевавших его на постоялом дворе в этот вечер. Патрос прервал его.

— Хафид, рассказывай мне обо всем, что приходило тебе в голову, пока ты горевал о себе.

Когда Хафид перечислил все, что мог вспомнить, старик спросил:

— А какая мысль в конце концов пришла к тебе и, развеяв все сомнения, придала тебе решимость поутру заново начать торговлю?

Хафид немного помедлил и произнес:

— Я думал только о дочери Калнеха. Видя этот грязный постоялый двор, я сознавал, что никогда не увижу ее, если отступлю.

Затем голос Хафида дрогнул.

— И все же я отступил.

— Отступил? Не понимаю. С тобою же нет халата.

Голосом тихим настолько, что Патросу пришлось наклониться к нему, чтобы расслышать, Хафид поведал о встрече в пещере и о младенце. Полог был откинут, и, слушая юношу, Патрос то и дело поглядывал на сияние той звезды, что освещала лагерь. Растерянность на его лице постепенно сменилась улыбкой, и он не заметил, как юноша перестал рассказывать, и теперь только всхлипывал.

Вскоре всхлипы прекратились, и в большой палатке наступила тишина. Хафид не смел поднять голову. Он потерпел неудачу, вряд ли теперь он годен к чему-либо, кроме ухода за скотом. Он боролся с желанием встать и выбежать наружу. Но тут Хафид ощутил на своем плече руку великого торговца и заставил себя взглянуть Патросу в глаза.

— Сын мой, это путешествие большой выгоды не принесло тебе.

— Да, господин.

— А мне принесло. Эта звезда излечила меня от слепоты, в которой я не хотел себе признаться. Я объясню это тебе одному, когда мы вернемся в Пальмиру. Теперь же у меня есть к тебе предложение.

— Да, хозяин.

— Наши продавцы возвратятся в караван до завтрашнего захода солнца, и животным понадобится присмотр. Не хочешь ли ты вернуться к своим обязанностям?

Хафид безропотно встал и поклонился своему благодетелю.

— Я сделаю все, что ты скажешь... и я сожалею, что подвел тебя.

— Тогда иди и готовься встретить наших людей, а с тобой мы увидимся по возвращении в Пальмиру.

Хафид шагнул из палатки, и яркий свет на мгновение ослепил его. Когда он открыл глаза, Патрос окликнул его.

Юноша обернулся, снова вошел в шатер и ждал, что скажет старик. Патрос помахал ему рукой и сказал:

— Спи спокойно, ты не проиграл.

Яркая звезда светилась всю ночь.

Глава ШЕСТАЯ

Через две недели после возвращения каравана в Пальмиру Хафид подняли с соломенного матраца, на котором он спал в хлеву, и велели тотчас явиться к Патросу.

Хафид поспешил в покои хозяина и застыл в нерешительности перед огромным ложем.

Патрос открыл глаза и с трудом сел на постели. Лицо его похудело, на руках проступили синие прожилки вен и в нем с трудом можно было узнать человека, с которым Хафид разговаривал всего двенадцать дней назад.

Патрос придвинулся к юноше, который, осторожно присев на край кровати, ожидал, что скажет хозяин. Даже голос Патроса совершенно изменился со дня их последней встречи.

— Сын мой, у тебя было довольно много времени, чтобы пересмотреть свои планы. Ты до сих пор думаешь стать большим торговцем?

— Да, господин. Старик кивнул.

— Да будет так. Я рассчитывал дольше побыть с тобою, но, как видишь, сейчас планы переменялись. Хотя я и считаю себя хорошим торговцем, все же не могу откупиться от смерти. Она целыми днями поджидает меня, как голодная собака у дверей нашего кухни. Как и собака, она знает, что однажды дверь останется без присмотра...

Патрос закашлялся, и Хафид, не шевелясь, смотрел, как старик хватая ртом воздух. Наконец, кашель прекратился, и Патрос смог слабо улыбнуться:

— Нам недолго осталось быть вместе, поэтому начнем. Сперва вытащи из-под кровати маленький сундук из кедра.

Хафид улыбнулся, достал сундучок, перетянутый ремнями, и поставил его на кровать у ног Патроса.

— Много лет назад, когда положение мое было хуже, чем у погонщика верблюдов, мне посчастливилось выручить одного путешественника с Востока, на которого напали двое разбойников. Он утверждал, что я спас ему жизнь, и захотел вознаградить меня, хотя я ничего не просил. Поскольку у меня не было ни семьи, ни денег, он велел мне отправиться к нему домой, где меня приняли, как родного.

Однажды, когда к тому времени я уже достаточно созрел для новой жизни, он показал мне этот сундук. Внутри было десять про-

нумерованных пергаментных свитков. В первом излагалась тайна обучения, в остальных — все правила и секреты, необходимые, чтобы добиться большого успеха в искусстве торговли. Весь следующий год я ежедневно обращался к мудрости свитков и, благодаря ключу обучения первой рукописи, постепенно запомнил все тексты слово в слово, пока они не стали частью души и моей жизни. Они стали моей второй натурой.

Наконец, я получил сундук со всеми десятью свитками в подарок, и, кроме того, запечатанное письмо и кошель с пятьюдесятью золотыми монетами. Письмо я должен был вскрыть не раньше, чем дом моего покровителя пропадет из виду. Я распрощался с домохозяевами, дошел до торгового пути на Пальмиру и там вскрыл письмо. В нем мне предписывалось взять золотые монеты, применить то, чему я научился по свиткам, и таким образом начать новую жизнь. Далее, мне было велено всегда отдавать половину всех своих доходов другим, менее удачливым, но пергаментные свитки я должен сохранить в тайне до того времени, пока мне не будет дан особый знак, указующий на преемника.

Хафид пожал плечами:

— Я не понимаю, господин.

— Я объясню. Я продолжал ждать этого человека, отмеченного знаком, на протяжении многих лет, и все это время использовал знание свитков весьма удачно. Я уже перестал надеяться, что такой человек вообще появится, как ты вернулся из Вифлеема. И я впервые подумал, что именно ты избран получить эти свитки. После того, как ты явился под той яркой звездой, сопровождавшей тебя из Вифлеема, в сердце своем я пытался постичь смысл этого, но решил не испытывать волю богов. Когда же ты рассказал о том, как отдал халат, столь дорогой для тебя, мой внутренний голос сказал мне, что долгие поиски завершены. Я все-таки обрел наследующего этот сундук. Странно, когда это свершилось, сила жизни постепенно начала оставлять меня. Теперь конец мой близок, но долгое ожидание завершилось, и я могу уйти из этого мира спокойно.

Голос старика ослаб, но он сжал свои худые пальцы и нагнулся еще ближе к Хафиду.

— Слушай, сын мой, ибо нет у меня сил повторить это. Со слезами на глазах Хафид подвинулся ближе к хозяину и дотронулся до его руки. Великий торговец с усилием произнес:

Я передаю тебе этот сундук и его драгоценное содержимое, но прежде ты должен принять на себя некоторые обязательства. В сун-

дуке есть кошель с сотней золотых талантов, с этим ты сможешь выжить и сделать небольшой запас ковров, чтобы вступить с ним в деловой мир. Я мог бы оставить тебе былое состояние, но это сослужит плохую службу. Будет намного лучше, если ты сам станешь богатейшим и величайшим в мире торговцем. Видишь, я не забыл о твоей цели.

Немедля оставь этот город и отправляйся в Дамаск. Там получишь безграничные возможности для применения того, чему тебя научат свитки. Отыскав безопасное жилище, открой только первый свиток и читай его снова и снова, пока ты не постигнешь тот тайный метод, который ты будешь применять для освоения правил успешной торговли, изложенных в остальных свитках. По мере изучения каждого текста ты сможешь начинать торговать закупленными коврами, но, как предписано, продолжай изучать следующие. Если соединишь то, чему учился, с вновь приобретенным опытом, твои доходы будут умножаться ежедневно. Итак, мое первое условие: ты должен обещать, что будешь следовать наставлениям, изложенным в первом свитке. Ты согласен?

— Да, господин.

— Хорошо, хорошо... Применяя правила свитков, ты станешь гораздо богаче, чем мечтал. Мое второе условие: ты должен всегда отдавать половину своих заработков тем, кто нуждается. Нарушений этого условия не должно быть. Ты готов к этому?

— Да, господин.

— И теперь условие самое важное. Тебе запрещается разглашать свитки или заключенную в них мудрость кому бы то ни было. Однажды появится человек, о котором тебе будет знак, подобный тому, как звезда и твой бескорыстный поступок были знаками для меня. Когда это случится, ты распознаешь знак, даже если человек этот и не будет знать о своей избранности. Когда сердце подтвердит твою правоту, ты отдашь ему или ей сундук с его содержимым, но потом уже не нужно будет налагать на преемника все те условия, которые были наложены на меня и на тебя. В том, полученном мною письме, было сказано, что третий обладатель свитков имеет право донести миру послание, если пожелает. Обещаешь ли ты исполнить и это третье условие?

— Да.

Патрос облегченно вздохнул, словно освободившись от тяжелого груза, тихо улыбнулся и дотронулся до лица Хафида иссохшими ладонями.

— Бери сундук и уходи. Я тебя больше не увижу. Я люблю тебя, желаю успеха, и пусть Лиша разделит все счастье, которое ждет тебя в будущем.

Не сдерживая слез, Хафид пошел с сундуком к дверям спальни. На пороге он задержался, поставил сундук на пол и обернулся к своему хозяину:

— Неудача не сломит меня, если сильна моя решимость?

Старик еще раз улыбнулся, кивнул и, прощаясь, помахал рукой.

Глава СЕДЬМАЯ

Хафид въехал в Дамаск через Восточные ворота. Он ехал на осле по улице с названием "прямая" в большой неуверенности, а шум и выкрики базарной толпы никак не способствовали рассеянию его страхов. Одно дело — прибыть в большой город с мощным караваном, таким, как у Патроса, и совсем другое — в одиночку и без опеки. Со всех сторон, перекрикивая друг друга, на него наседали уличные торговцы, размахивая товаром. Он проезжал магазины-клетушки и площади, где были представлены изделия бондарей, ювелиров, шорников, ткачей и плотников. На каждом шагу он сталкивался с каким-либо продавцом, вытягивающим руки и жалобно причитающим.

Прямо перед ним, за западной стеной города, возвышалась гора Хермон. Несмотря на лето, ее вершина оставалась убеленной снегом, и она, казалось, смотрела сверху на торжище вполне благосклонно. Наконец, Хафид свернул с главной улицы и справился о жилье, которое без труда нашел на дворе "Мосча". Отведенная ему комната была чистой и оплатил ее на месяц вперед, чем сразу же заслужил расположение Автонина, владельца гостиницы. Затем он привязал осла позади дома, омылся в водах Барады и вернулся в комнату.

Поставив маленький сундук возле койки и распустив кожаные ремни, Хафид легко откинул крышку, и перед ним предстали свитки. Через решетчатое окно до него доносились звуки с шумной базарной площади, находившейся неподалеку. Стоило ему взглянуть в сторону рынка, как страхи и сомнения снова охватили его, и он почувствовал, что уверенности как не бывало. С закрытыми глазами он прижался лицом к стене и воскликнул:

"Так глупо размечтаться, что я, простой погонщик, однажды

буду признан величайшим в мире торговцем, когда мне не хватает смелости даже проехать мимо уличных лотков. Своими глазами я увидел сегодня сотни продавцов, способных к торговому делу больше, чем я. Все они полны смелости, желания, настойчивости. Кажется, что все готовы к выживанию в рыночных джунглях. Нелепо и самонадеянно думать, что я смогу стать одним из них и всех превзойти. Патрос, о мой Патрос, боюсь, что я снова обманул твои ожидания".

Измученный тяжелой дорогой, Хафид упал на койку и горевал до тех пор, пока сон не одолел его.

Хафид проснулся только на следующее утро от птичьего щебета. Он сел на постели и с безнадежностью уставился на воробья, примостившегося на открытой крышке сундука со свитками. Юноша подошел к окну, за которым тысячи воробьев, облепивших смоковницы и чинары, радостно воспевали новый день. Некоторые птицы садились на оконный выступ, но тут же слетали, едва стоило Хафиду пошевелиться. Хафид обернулся и опять взглянул на пернатого гостя. Воробей, задрав голову, тоже смотрел на него.

Хафид медленно подошел к сундуку, а когда протянул руку, птичка вскочила ему на ладонь.

— Все твои боязливые сородичи остались снаружи. У тебя же хватило смелости влететь сюда.

Воробей клюнул Хафида в руку, и он перенес птицу к столу. В котомке еще оставался хлеб с сыром и, отломив того и другого, юноша положил кусочки перед своим маленьким другом. Пока воробей угощался, Хафид в раздумье возвратился к окну и ощупал решетку. Ячейки были очень маленькими и казалось невероятным, что эта птица проникла через них. Тут он вспомнил голос Патроса и вслух повторил его слова: "Неудача не сломит тебя, если сильна твоя решимость".

Он подошел к сундуку заглянул в него. Один свиток истерся более других. Он вынул его и осторожно развернул. Страх, одолевший его, исчез. Он обернулся к воробью, но тот тоже исчез. Только крошки хлеба и сыра свидетельствовали о визите маленькой отважной птицы. Хафид вернулся к свитку. В заглавии значилось *Свиток Первый*. Он начал читать...

Глава ВОСЬМАЯ

Свиток Первый

Сегодня я начинаю новую жизнь.

Сегодня я сбрасываю старую кожу, на которой следы моих бед, ударов судьбы и бездарностей.

Сегодня я возрождаюсь в винограднике, где хватит всем плодов.

Сегодня я соберу гроздья мудрости с самых высоких и плодоносных лоз, которые посажены мудрейшим из моих предшественников.

Сегодня я узнаю вкус ягод с этих кистей, и сокрытые в них семена успеха станут во мне ростками новой жизни.

В деле, которое я избрал, меня ожидает множество возможностей, но столь же много волнений и разочарований; если бы из всех, кто потерпели неудачу, составить пирамиду, она оказалась бы самой высокой из всех пирамид земли.

Но я не проиграю, как другие, ибо сейчас держу в руках путеводные карты, благодаря которым смогу пройти через бурные воды к берегам своей мечты.

В сражениях мне не придется больше терпеть неудачу.. Мое тело, по природе своей, противится боли, так же жизнь моя не может мириться с поражением. Неудача, как и боль, чужда моей натуре. Теперь я отвергаю неудачу и готов следовать мудрости и правилам, которые выведут меня из тени на свет благополучия, признания и счастья, так далеко за пределы самых дерзких мечтаний, что даже золотые яблоки из сада Гесперида покажутся всего лишь надлежащим вознаграждением.

Вечно живущего всему научит время, но роскошью такой я обделен. И все же в отпущенный мне срок я должен постигать искусство терпенья, ведь сама природа не действует поспешно. Чтобы создать оливу, царицу всех деревьев, понадобятся сотни лет, а стебель лука состарится недель за девять. Я жил как стебель лука, и не был счастлив. Теперь я стану самым мощным из оливковых деревьев и воистину величайшим торговцем.

Как это сделать? У меня нет ни знания, ни опыта, я уже спотыкался и падал в яму самосожаленья. Ответ простой: я отправляюсь в путь, необремененный грузом бесполезных знаний, цепью бессмысленных опытов. Природа уже наделила меня знанием и инстинктом, более могучим, чем инстинкт лесного зверя. Опытность слишком превозносят обычно те из стариков, которым не достает

мудрости и рассудительности.

Конечно, опыт учит, но приобретение его занимает годы, так что ценность уроков убывает вместе со временем, необходимым для усвоения мудрости, которая, в конце концов, оказывается бесполезной для уходящего из жизни. Более того, опыт напоминает моду: то действие, которое сегодня нам принесло успех, завтра окажется тщетным и бесплодным.

Пребудут лишь правила, которые содержат свитки, что в моем владении, законы эти ведут к величию. Они меня научат не просто избегать неудач и достигать желаемого результата, но большему, ибо что такое успех, как не состояние ума? Едва ли двое из тысячи мудрецов сойдутся в определении успеха, но о неудаче всегда отзываются однозначно. Неудача есть неспособность человека добиваться своих целей, какими бы они ни были.

Единственное различие между неудачливыми и преуспевающими в их привычках. Благие привычки — это ключ к любому достижению. Дурные привычки — это открытая дверь, ведущая к проигрышу. Поэтому прежде всего я подчиняюсь закону:

Я приобрету благие привычки и стану их рабом.

Будучи ребенком, я находился во власти своих порывов, теперь я раб своих привычек, как и все возмужавшие. Много лет я добровольно накапливал привычки и прежние мои действия уже предначертали мне угрожающее будущее. Моими действиями руководят тираны: склонность, страсть, предубеждение, жадность, вожделевание, страх, обстоятельства, привычки, и злейший из них — последний. Поэтому, если я должен стать рабом привычек, пусть я буду рабом благих привычек. Мои дурные привычки нужно выполоть и проложить новые борозды под добрые семена.

Я приобрету благие привычки и стану их рабом.

Как осуществить этот подвиг? Благодаря этим свиткам, так как каждый из них содержит правило, которое избавит меня от дурной привычки и заменит другой, приближающей к победе. Ибо, согласно еще одному закону природы, привычку можно одолеть только другой привычкой. И чтобы осуществить предписанное, я должен выработать у себя первую новую привычку:

Я буду читать каждый свиток тридцать дней, как предписано, прежде чем перейду к следующему.

Первый раз я буду читать утром, про себя. Затем я буду читать после полуденной трапезы. Наконец, я буду читать перед сном и, самое важное, что на этот раз я буду читать вслух.

На следующий день я последую тому же порядку, и так все тридцать дней. Затем я таким же образом буду читать тридцать дней следующий свиток. Так будет продолжаться до тех пор, пока я не проживу с каждой рукописью тридцать дней и это чтение не станет моей привычкой.

Что будет достигнуто благодаря этому? Здесь скрыт секрет всех достижений человека. Я буду повторять текст и вскоре он станет частью моего сознания, но самое главное, это то, что слова проникнут в подсознание, а таинственный недремлющий источник, создающий мои сны и побуждающий к действиям, зачастую необъяснимым для меня самого.

Когда мое подсознание впитает мудрость свитков, я буду каждое утро пробуждаться, наполненный такой жизненной силой, которой не было раньше, буду становиться все бодрее и активнее. Мое желание встретиться с миром превысит тот страх, который я иногда испытывал на рассвете, и я стану так счастлив, как и не думал стать в этом жестоком и печальном мире.

Наконец, я буду вести себя в любых обстоятельствах таким образом, как это начертано в свитках, и вскоре эти действия и реакции будут совершаться без усилий, ибо для имеющего навык любая задача становится выполнимой.

Так рождается новая и благородная привычка, ибо действие от многократного повторения становится легким, а вместе с тем и приятным, а если оно приятно, то человек естественно склонен совершать его еще и еще раз. Когда я совершаю его часто, оно становится привычкой, а я — ее рабом, и поскольку это благая привычка, то таковая и моя воля.

Сегодня я начинаю новую жизнь.

И торжественно клянусь перед самим собой: "Ничто не помешает течению моей новой жизни". Я не проведу ни дня без чтения, ибо такой день нельзя вернуть или восполнить. Я не должен и не хочу нарушать привычку ежедневного чтения свитков, ибо несколько мгновений, отдаваемых ежедневно новой привычке, — это, несомненно, слишком малая цена за то счастье и успех, что ожидают меня.

Когда я буду последовательно читать и перечитывать свитки, я не позволю себе ни сокращать чтение, ни относиться к посланию легкомысленно из-за его простоты. Чтобы наполнить вином всего один кувшин, выжимают тысячи ягод, а кожуру с мякотью выбрасывают птицам. И так же с виноградом вечной мудрости. В после-

дующих словах содержится лишь чистейшая мудрость. Я буду пить ее как предписано, не пророню ни капли, и семена успеха проникнут в меня.

Сегодня моя старая кожа стала прахом. Я буду возвышаться над другими, хотя они не заметят этого, ведь я новый человек, начавший новую жизнь.

Глава ДЕВЯТАЯ ***Свиток Второй***

Я встречу этот день с любовью в сердце.

Ведь это главный секрет успеха в любом начинании. С помощью мускулов можно сокрушить преграду и даже прервать чью-либо жизнь, но только невидимая сила любви способна открывать сердца. И пока я не овладею этим искусством, мой удел — оставаться всего лишь разносчиком на рынке. Любовь станет моим оружием, к кому бы я ни обратился, никто не сможет одолеть силу любви.

Мои слова можно поставить под сомнение, а доводы — отклонить, и от лица моего можно отвернуться, нетрудно осудить мое одеяние, да и вся моя торговля может вызвать зависть, но любовь растапливает сердца всех, подобно солнцу, которое согревает холодную землю,

Я встречу этот день с любовью в сердце.

Так как же это сделать? Теперь я буду смотреть на все с любовью, и это будет мое новое рождение. Я буду любить солнце, согревающее мое тело, но также и дождь, ведь он очищает мой дух. Я буду любить свет, он указывает мне дорогу, но также и тьму, за то, что она являет звезды. С радостью приму я счастье, ибо оно делает сердце щедрым, но стерплю и тоску, так как она делает душу открытой. Я приму награды как и должно, но и препятствия буду ценить как возможности отличиться.

Я встречу этот день с любовью в сердце.

И как я буду говорить с другими? Я буду отзываться с похвалой о врагах моих, и они станут моими друзьями, я буду поддерживать друзей, и они станут мне братьями. Я найду повод каждого одобрить хоть в чем-нибудь, но труд выискивать причины для злословья — не для меня. Если у меня появится намерение — осудить, я придержу язык, но для восхваления я поднимусь на кровли. Разве

птицы, ветер, море, вся природа не поют хвалебную песнь своему творцу? Неужели я, подобно им, не могу с той же песней обратиться к чадам его? Впредь я буду помнить эту тайну, и она изменит мою жизнь.

Я встречу этот день с любовью в сердце.

Как мне вести себя? Я буду действовать с любовью ко всем людям, у каждого есть качества, достойные восхищения, хотя они могут и не лежать на поверхности. Любовью я сокрушу стены подозренья и ненависти, которые люди возвели вокруг своих сердец, и вместо них я построю мосты, чтобы любовь смогла войти в их души.

Я буду любить честолюбивых, ибо они могут вдохновить меня. Я буду любить неудачников, ибо их опыт может научить меня. Я буду любить царей, ведь они всего лишь люди, я буду любить простых людей, ибо они божественны. Я буду любить богатых за то, что они редки, и бедных — за то, что их так много. Я буду любить юных за присущую им надежду, а старых — за мудрость, которую они несут нам. Я буду любить красивых, ведь глаза их тоже печальны, а некрасивых я буду любить за покой в их душах.

Я встречу этот день с любовью в сердце.

Но как я должен отвечать на действия других? — с любовью. Любовь — это не только мое оружие для покoreния людских сердец, любовь — это также щит, ограждающий меня от стрел ненависти и копий гнева. Невзгоды и несчастья разобьются о него и превратятся в простой теплый дождь. Любовь защитит меня на базарной площади и в одиночестве, она воодушевит меня в отчаянии и отрезвит в ликовании. Щит будет становиться все прочнее, пока однажды я не отложу его и не стану ходить, не встречая препятствий. Тогда я взойду вверх по лестнице жизни.

Я встречу этот день с любовью в сердце.

Каким же меня увидят люди? Я молча. про себя. скажу любому? "Я люблю тебя". Эти невысказанные слова будут светиться в моих глазах, они превратятся в улыбку, отразятся эхом в голосе, и сердце человека откликнется. А если он почувствует мою любовь, то не откажется от моего товара.

Я встречу этот день с любовью в сердце.

И больше всех я должен полюбить себя. Потому что в моих делах я буду ревниво проверять все то, что входит в мою душу, в сердце, в ум и в тело. Я буду следить за своим умом и не дам ему привязываться ко злу или предаваться отчаянию, но буду питать его

знаниями и исковой мудростью. Я не позволю своей душе стать беспечной и праздной, но буду возвращать ее размышлениями и молитвой. И сердце мое не будет стесненным или отравленным горечью, я открою его для всех, чтобы оно согревало других.

Я встречу этот день с любовью в сердце.

Я буду любить все человечество. И с этого дня ненависть не найдет во мне прибежища, ибо теперь у меня нет времени ненавидеть, есть только время любить. Сейчас я делаю необходимый шаг, чтобы стать человеком и жить среди людей. С помощью любви я увеличу свои доходы в сотни раз и стану истинно великим торговцем. Быть может, у меня нет всех достоинств, но я преуспеваю одной любовью, без нее я обречен на поражение, даже если бы обладал всеми знаниями на свете.

Глава ДЕСЯТАЯ

Свиток Третий

Я буду упорствовать, пока не добьюсь успеха.

Если я настойчив, если я не прекращаю попыток, продолжаю двигаться вперед, то я добьюсь своей цели.

Я не был рожден неудачником, моя кровь не отравлена поражениями. Я не овца, которая нуждается в понукании пастуха. Я лев, и я отказываюсь жить с овцами и разделять их участь. Я не буду слушать тех, кто сетует и жалуется, потому что их болезнь заразна. Их место — среди овец.

Я буду упорствовать, пока не добьюсь успеха.

Жизнь раздаст награды в конце пути, а не в начале, и мне не дано знать, сколько шагов я должен пройти к цели. Возможно, неудача подстережет меня на тысячном шагу, но сразу же за поворотом дороги меня будет ждать успех. Я не знаю, близок ли он, пока не окажусь за поворотом.

Что бы ни случилось, я всегда сделаю следующий шаг, Если окажется, что он бесполезен, я сделаю второй, потом третий. В любой момент сделать один шаг не так уж трудно.

Я буду упорствовать, пока не добьюсь успеха.

Впредь я буду считать свои ежедневные усилия ударами клинка по могучему дубу. Дерево не сокрушить ни с первого удара, ни со второго, ни с третьего. Каждый удар сам по себе может быть незначительным и казаться безрезультатным. Но, в конце концов, да-

же от ударов ребенка дуб содрогнется. Так будет и с моими ежедневными усилиями. Я уподоблюсь дождевой капле, что точит гору, муравью, который съедает тигра, звезде, освещающей огромную землю рабу, возводящему пирамиду. Я буду строить дворец камень за камнем, ибо я знаю, что многочисленные малые усилия приводят к завершению большого замысла.

Я буду упорствовать, пока не добьюсь успеха.

Я не смирюсь с поражением, такие слова как "неудача, бесполезно, безнадежно, невозможно, не могу, неспособен, отступаю" никогда не сойдут с моего языка, ведь так говорят глупцы. Я не буду впадать в отчаяние, но если все же эта болезнь ума поразит меня, я и в отчаянии буду продолжать работать. Я буду трудиться и выстою. Я не смотрю на препятствия, когда перешагиваю через них, потому что взор мой прикован к высокой цели; я знаю, что, перейдя пустыню, выйду к зеленой траве.

Я буду упорствовать, пока не добьюсь успеха.

Я буду помнить закон средних величин и использовать его себе во благо. Я буду знать, что каждая неудача в торговле увеличивает мои шансы на успех следующей попытки. Каждое услышанное мною "нет" приближает меня к "да". Каждый встреченный хмурый взгляд готовит меня к встрече с улыбкой. Любые неурядицы содержат семена грядущей удачи. Мне нужна ночь, чтобы я мог оценить день. Я должен часто оказываться побежденным, чтобы однажды стать победителем.

Я буду упорствовать, пока не добьюсь успеха.

Я буду пытаться снова и снова. Каждое препятствие я буду рассматривать как окольный путь к моей цели и проверку моего мастерства. Я буду упорствовать и разовью свои умения, как мореплатель развивает свои, когда учится переносить ярость штормов.

Я буду упорствовать, пока не добьюсь успеха.

Отныне я буду помнить и применять еще один секрет опытных торговцев. По окончании каждого дня, независимо от того, был он удачным или нет, я попытаюсь еще что-то продать. Когда ум будет уговаривать уставшее тело отправиться домой, я преодолю это искушение и попытаюсь снова, а если попытка окажется тщетной, я сделаю еще одну. Я никогда не допущу, чтобы день окончился неудачей. Так я посажу семена грядущего успеха и получу громадное преимущество в сравнении с тем, кто заканчивает свою работу в установленное время. Когда остальные прерывают работу, тогда я начинаю свою, и моя жатва будет обильной.

Я буду упорствовать, пока не добьюсь успеха.

И я не позволю, чтобы вчерашний успех убаюкал меня в сегодняшнем благодушии, ибо так закладывается основание для неуспеха. Я забуду события уходящего дня, будь они хорошие или плохие, и встречу новый рассвет с убеждением, что этот день будет лучшим в моей жизни.

Пока я дышу, я буду упорствовать. Теперь я знаю один из величайших законов успеха: настойчивость ведет к победе.

Я буду упорствовать. Я одержу победу.

Глава ОДИННАДЦАТАЯ ***Свиток Четвертый***

Я — величайшее чудо природы.

Поскольку никогда не существовало человека с моим умом, сердцем, глазами, ушами, руками, устами. Ни один из приходивших раньше, живущих сейчас, и тех, кто будет жить завтра, не может ходить, говорить и действовать в точности, как я. Все люди — мои братья, и все же я отличен от каждого из них. Я — уникальное создание.

Я — величайшее чудо природы.

Хотя я и отношусь к животным, одних только животных удовольствий мне недостаточно. Внутри меня горит пламя, прошедшее через бесчисленные поколения, и его жар постоянно побуждает меня стать лучше, чем я есть. И я стану совершеннее, я погашу пламя неудовлетворенности и явлю свою уникальность • миру.

Никто не сможет воспроизвести мой почерк или удар моего резца, никто не сможет повторить взмах моей кисти, создать моего ребенка и, воистину, никто не обладает в точности такой же способностью к торговле. Впредь я буду делать ставку на эти различия, ибо это капитал, который должен быть использован целиком.

Я — величайшее чудо природы.

Я больше не стану подражать другим. Вместо этого я представлю на рынок свою уникальность. Я заявлю о ней и стану торговать ею. Теперь я буду подчеркивать свою непохожесть и скрывать свое подобие. Это правило я применю и в отношении своих товаров. Торговцу и товару, отличным от всех прочих, есть чем гордиться.

Я — величайшее чудо природы.

Я — редкий, а всякая редкость дорого стоит, поэтому я ценен. Я — зрелый плод тысячелетней эволюции, поэтому умом и телом я превосхожу всех царей и мудрецов,, что были до меня.

Но мои умения, мой ум, мое сердце и мое тело начнут вырождаться, загнивать и умирать, если я не найду им достойного применения. Мои возможности не ограничены. Я использую только малую часть ума, и лишь немногие из мускулов привожу в движение. Свои прежние достижения я могу умножить во сто крат и более, и я сделаю это, начав сегодня же.

Я уже не стану довольствоваться тем, что делал раньше, и не буду восхвалять себя за прежние результаты, которые слишком незначительны, чтобы быть замеченными. Я могу достичь большего и я сделаю это, ибо почему все то чудесное, что связано с моим появлением на свет, должно ограничиться моим рождением? Почему я не могу проявить это чудесное в моих нынешних делах?

Я — величайшее чудо природы.

Я оказался на этой земле не случайно. Я появился здесь с определенной целью — стать горой, а не песчинкой. Впредь я буду прилагать все усилия к тому, чтобы стать самой высокой горой, и я выжму все соки из своих способностей, пока они не взмолятся о пощаде.

Я буду расширять свои знания о себе, о людях, а также о товарах, которые продаю, и мои доходы через это увеличатся.

Я буду подбирать и оттачивать фразы, обращенные к покупателям, ведь это та основа, на которой я построю свою карьеру. Я никогда не забываю, что многие обрели богатство и успех благодаря одной лишь проведенной с блеском деловой беседе. Также я все время буду стараться работать над своими манерами, я стану более деликатен, ведь все это сахар, привлекающий любого.

Я — величайшее чудо природы.

Я буду сосредоточивать все внимание на определенной ситуации, и мои занятия помогут мне забыть об остальном. Мои домашние проблемы останутся дома. Я не буду думать о семье, находясь на рынке, ибо это займет все мои мысли. Так и проблемы рынка "останутся на рынке и я не буду думать о делах, когда я дома, иначе моя любовь обеднится.

На рынке нет места моей семье, и в моем доме нет места для рынка. Так я буду разделять одно от другого, оставаясь обрученным с обоими. Они должны оставаться в своих границах, иначе конец моей карьере. Таков извечный парадокс.

Мне были даны глаза, чтобы видеть, ум, чтобы думать, и теперь я знаю великую тайну жизни, ибо наконец сознаю, что все мои проблемы, разочарования и скорби — это неузнанные великие возможности. Меня не обманут больше скрывающие их одежды, ибо глаза мои открылись.

Я — величайшее чудо природы.

Ни зверь, ни дерево, ни ветер, ни дождь, ни скала, ни озеро не имеют одного со мною начала, ибо я зачат в любви и рожден с определенной целью. Прежде я не осознавал этого факта, теперь он определяет мою жизнь.

Я — величайшее чудо природы.

А природа не знает поражений. В конечном счете победа останется за нею, также и за мной, и с каждым торжеством сражаться становится все легче.

Я выиграю и стану великим торговцем, ибо я неповторим.

Я — величайшее чудо природы.

Глава ДВЕНАДЦАТАЯ

Свиток Пятый

Я проживу этот день так, как если бы он был последним.

И что я буду делать с этим драгоценным днем, последним из оставшихся у меня? Прежде всего, я запечатаю сосуд жизни, чтобы ни одна капля не упала в песок. Я не потрачу ни одного мгновения на размышления о вчерашних неудачах, вчерашних поражениях и скорбях — зачем терять благое из-за дурного?

Может ли песок в часах потечь вверх? Может ли солнце взойти в том месте, где садится, и зайти там, где восходит? Могу ли я вернуться во вчерашний день и исправить совершенные ошибки? Могу ли я, печалась о вчерашних ранах, тем залечить их? Могу ли я стать моложе, чем был вчера? Могу ли я взять обратно сказанное злое слово, нанесенный удар или причиненную боль? Нет. Вчера погребено навеки, и я больше не стану о нем думать.

Я проживу этот день так, как если бы он был последним.

И что я стану делать? Забывая о вчерашнем, я не стану думать и о завтрашнем. Почему я должен отвергнуть "сейчас" ради "возможно"? Может ли завтрашний песок посыпаться в часах сегодня? Будет ли этим утром два восхода солнца? Могу ли я исполнить зав-

трашнее дело сегодня? Могу ли я положить завтрашнее золото в сегодняшний кошелек? Может ли завтрашний ребенок родиться сегодня? Может ли завтрашняя смерть предстать и бросить тень на сегодняшнюю радость? Должен ли я беспокоиться о событиях, которые, может быть, и не увижу? Должен ли я мучить себя проблемами, которые могут и не прийти? Нет! Завтра похоронено вместе со вчера, и я не стану думать о нем больше.

Я проживу этот день так, как если бы он был последним.

Этот день — все, что у меня есть, и эти часы — моя вечность. Я встречу восход криками радости, как узник, получивший отсрочку от казни. Я воздену руки, принимая этот новый день как бесценный дар. Мое сердце будет наполняться благодарностью при воспоминании о тех людях, которые встречали вчера рассвет и которых нет среди живущих сегодня. Я действительно удачлив, и часы сегодняшнего дня — это незаслуженная награда. Почему мне дозволено прожить лишний день, когда другие, которые много лучше меня, ушли? Может, они достигли своих целей, а мне еще предстоит это сделать? И это еще одна возможность для меня стать тем, кем я могу стать, и так осуществить свое предназначение? Не этот ли день дан мне для достижения совершенства?

Я проживу этот день так, как если бы он был последним.

Жизнь у меня только одна и жизнь эта — всего лишь отрезок времени. Расточая одно, разрушаю многое. Потратив впустую сегодняшний день, я, может быть, перечеркиваю последнюю страницу своей жизни. Поэтому каждый час сегодняшнего дня я должен береечь, ибо он не сможет никогда повториться. Его невозможно приберечь на завтра, ибо кто может оседлать ветер? Каждую минуту этого дня я буду брать в ладони и лелеять любовь, ведь она бесценна. Разве может умирающий купить хотя бы еще один вздох, даже если бы и захотел отдать за него все свое золото? Какую цену я осмелюсь дать за грядущие часы? Я сделаю их бесценными.

Я проживу этот день так, как если бы он был последним.

Я буду упорно избегать убийц времени. Медлительность я уничтожу действием, сомнения я одолею верой, страх я разрушу определенностью. Пустословов я не стану слушать. Там, где есть бездельники, я не задержусь, и праздных посещать не буду. Впредь я запомню, что отдаваться праздности все равно что красть пищу, одежду и тепло у тех, кого любишь. Я не вор, Я — любящий, и сегодня мне дается последний шанс доказать свою любовь и великодушные.

Я проживу этот день так, как если бы он был последним.

Сегодняшние обязанности я исполню. Сегодня я приласкаю своих детей, пока они еще малы, завтра же они уйдут, уйду и я. Сегодня и обниму и поцелую свою жену, завтра она уйдет, уйду и я. Сегодня я поддержу нуждающегося друга, завтра он уже не будет взывать о помощи, к тому же я не услышу его зова. Сегодня я буду жертвовать собой и трудиться, завтра мне будет нечего дать и не будет того, кто бы принял.

Я проживу этот день так, как если бы он был последним.

И если он — последний, он станет Величайшим памятником мне. Этот день я сделаю лучшим днем своей жизни. В этот день я каждую минуту буду пить до дна, и, ощущая их вкус, я почувствую благодарность. Каждый час я сочту и каждую минуту я посвящу только значительному. Я буду общаться с людьми больше, чем когда бы то ни было, и заработаю золота больше, чем когда бы то ни было. Каждая минута сегодня будет плодотворней, чем час вчера. И это последнее будет моим лучшим.

Я проживу этот день так, как если бы он был последним.

А если он и не окажется последним, тогда я преклоню колена с благодарностью.

Глава ТРИНАДЦАТАЯ

Свиток Шестой

Сегодня я буду властителем своих чувств.

Воды прибывают, воды убывают. Уходит зима, и приходит лето. Лето отступает, и усиливаются холода. Солнце восходит, и солнце садится. Луна растет, луна тает. Птицы прилетают, птицы улетают. Цветы расцветают, цветы увядают. Сеют семена, пожинают урожай. Вся природа — это круговращение состояний, я — часть природы, и настроения мои, как воды, будут прибывать и убывать.

Сегодня я буду властителем своих чувств.

Вот одна из малопонятных хитростей природы: каждый день я просыпаюсь в настроении, отличном от вчерашнего. Вчерашняя радость станет сегодня печалью, а сегодняшняя печаль обратится завтра в радость. Внутри меня как будто есть

колесо, постоянно вращающееся от печали к радости, от восторга к унынию, от горя к счастью. Сегодняшние бутоны радости

завтра увянут, но все же я буду помнить, что как засохшие бутоны содержат семена будущих цветов, так и сегодняшняя грусть несет в себе семя завтрашней радости.

Сегодня я буду властителем своих чувств.

Но как мне управлять чувствами, чтобы каждый день был плодотворным? День будет неудачным, если у меня неподобающее настроение. Цветение деревьев и растений зависит от погоды, но я сам делаю себе погоду, ведь она — во мне. Если я принесу своим покупателям дождь, мрак, уныние, они ответят мне тем же и ничего не купят, если же я принесу Покупателям радость, вдохновение и ликование, тогда они тоже будут радоваться, вдохновляться и ликовать, и моя "погода" позволит мне наполнить закрома золотым урожаем доходов.

Сегодня я буду властителем своих чувств.

Как же я буду управлять своими чувствами? Я буду постигать древнюю тайну: *Слабый человек позволяет мыслям управлять его действиями, действия сильного подчиняют мысли.* Каждый день, пробудившись от сна, я буду следовать такой тактике боя, прежде чем меня успеют захватить силы печали, самосожаления и неудачи:

Если я почувствую печаль, стану смеяться.

Почувствовав недомогание, я удвою усилия.

Почувствовав страх, я брошусь вперед.

Почувствовав себя подавленным, я одену новые одежды.

Если я почувствую неуверенность, мой голос окрепнет.

Почувствовав обеднение, я буду думать о богатстве, которое придет.

Почувствовав себя несведущим, я вспомню прежние успехи.

Почувствовав себя незначительным, я вспомню свои цели.

Сегодня я буду властителем своих чувств.

Впредь я буду помнить, что только способные подчиняться могут всегда оставаться на вершине своих возможностей. Но я не подчиненный. Наступят дни, когда мне придется постоянно сражаться с силами, готовыми меня уничтожить. Таких врагов, как печаль и отчаяние, распознать легко, но есть и другие, которые опасны, они приближаются с улыбкой и дружески протягивают руку. Контроль за ними я тоже не должен ослаблять:

Почувствовав довольство, я вспомню о голодных днях.

Почувствовав благодушие, я вспомню состязания.

Почувствовав величие, я попытаюсь остановить ветер.

Получив богатство, я вспомню время нищеты.

Почувствовав гордыню, я вспомню мгновения слабости.

Почувствовав себя бесподобным, я посмотрю на звезды.

Сегодня я буду властителем своих чувств.

И с этим новым знанием я также смогу понять и узнать чувства того, к кому я обращаюсь. Я буду снисходителен к проявлениям его гнева и раздражительности, потому что он не знает тайну управления собой. Я смогу выдержать его нападки и оскорбления, ведь теперь я знаю, что завтра его поведение изменится.

Я больше не буду судить о человеке по одной только беседе, и провал встречи с тем, кто возненавидел меня сегодня, завтра уже не повторится. Сейчас этот человек не дал и гроша за золотые колесницы, а завтра он отдаст свой дом в обмен на дерево. Знание этой тайны — ключ к великому богатству.

Сегодня я буду властителем своих чувств.

Впредь я буду различать и понимать игру настроений в себе самом и во всех людях. С этого момента я готов отвечать за каждое проявление моей личности. Я буду управлять своими настроениями через положительное действие и, подчиняя их, я стану хозяином своей судьбы.

Сегодня я владею своей судьбой. И мое будущее — стать величайшим в мире торговцем!

Я стану властителем самого себя. Я стану великим.

Глава ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Свиток Седьмой

Я посмеюсь над миром.

Кроме человека, ни одно живое существо не способно смеяться. Из раны на дереве может сочиться сок, дикие звери могут плакать от боли и голода, но только человек наделен даром смеха, и я могу воспользоваться им когда пожелаю. Впредь я буду приобретать привычку смеяться.

Я буду улыбаться, и мое пищеварение улучшится; я буду радоваться, и моя ноша станет легче; я буду смеяться, и продлится моя жизнь — вот тайна долголетия, и ею я владею.

Я посмеюсь над миром.

А больше всего я буду смеяться над собой, ибо человек выглядит комичнее всего, когда воспринимает себя слишком серьезно. Я никогда не попадусь в эту ловушку ума. Хотя я и величайшее чудо

природы, но вместе с тем разве я не всего лишь крупинка, которую несут ветра времени? Разве я знаю в действительности, откуда я пришел и куда отправляюсь? Не покажется ли моя обеспокоенность этим днем глупостью по прошествии десятка лет? Почему я должен позволять мелким сегодняшним происшествиям беспокоить меня? До заката солнца что может случиться такого, что не показалось бы ничтожным в сравнении с течением реки вечности?

Я посмеюсь над миром.

А как я смогу рассмеяться, если человек или дело, с которым я сталкиваюсь, может вызвать слезы или проклятия? Я буду повторять три слова до тех пор, пока они не станут всплывать в уме всякий раз, когда возникнет опасность потерять здоровое чувство юмора. Эти слова, сказанные древними, помогут мне пережить любое происшествие, оставаясь в равновесии. Слова такие: *И это тоже пройдет.*

Я посмеюсь над миром.

Ибо все мирские вещи и истины преходящи. Когда я сильно скорблю, себя утешу тем, что скорбь проходит, когда успех вскружит мне голову, я себе напомним, что пройдет и это. Если я буду придавлен бедностью, скажу себе — пройдет и это, а если окажусь под бременем богатства, вновь повторю — пройдет и это. Где тот, кто строил пирамиду? Разве он похоронен внутри нее? И разве не будет пирамида так же когда-нибудь погребена в песке? Если все должно пройти, зачем мне волноваться о сиюминутном?

Я посмеюсь над миром.

Я наполню этот день смехом, я украшу эту ночь песней. Трудиться ради будущего я не стану, кто весь погряз в заботах, часто опечален. Счастьем сегодняшним я наслажусь сегодня. Ведь счастье не зерно, чтобы в амбарах хранить его, и не вино, чтобы держать его в кувшинах. Его нужно сеять и собирать в один и тот же день, так и я буду отныне делать.

Я посмеюсь над миром.

Мой смех расставит все вещи по своим местам. Я посмеюсь над своими неудачами, и они исчезнут в облаках новых замыслов; я посмеюсь над своими успехами, и их подлинная цена станет очевидной. Я посмеюсь над злом, и оно умрет, не принося плодов, я посмеюсь с благостью, и она станет цвести и умножаться. Каждый день пройдет успешно только если моя улыбка вызовет улыбки у других и я заинтересован в этом, ведь те, с кем я неприветлив, товаров у меня не купят.

Я посмеюсь над миром.

Впредь я буду плакать лишь от счастья, ибо печальным, сожалующим или расстроенным не место в торговом ряду, тогда как каждую улыбку можно обменять на золото, а из каждого доброго слова, сказанного от всего сердца, можно построить дворец.

Я никогда не позволю себе стать настолько важным, мудрым, величавым и могущественным, чтобы разучиться смеяться над собой и миром. Я навсегда останусь как ребенок, ведь одному ему дана возможность все увидеть снизу вверх, и пока я смотрю таким же образом на мир, я, не повзрослею и буду умищаться в детской кроватке.

Я посмеюсь над миром.

И пока я могу смеяться, не стану бедным. Смех — одно из величайших богатств природы, и больше я не буду им пренебрегать. Я преуспею только если буду смеяться, если буду счастлив. Плодами своего труда я смогу насладиться, только если буду смеющимся и счастливым. А если нет, то лучше неудача, ибо счастье подобно вину, которое обостряет вкус любой пищи. Чтобы насладиться успехом, я должен быть счастливым, а смех будет помогать мне как слуга.

Я буду счастлив.

Я добьюсь успеха.

Я буду величайшим торговцем, которого еще не знал мир.

Глава ПЯТНАДЦАТАЯ ***Свиток Восьмой***

Сегодня я стану достойнее во сто крат.

Лист тутового дерева посредством человеческого гения становится шелком.

Глина посредством человеческого гения превращается в стены дворца.

Древесина кипариса посредством человеческого гения превращается в алтарь.

Ключья овечьей шерсти посредством человеческого гения становятся одеянием короля.

Если цену листьев, глины, деревьев и шерсти человек может увеличить тысячекратно, то разве я не могу это сделать той глиной, которая есть человек и носит мое имя?

Сегодня я стану достойнее во сто крат.

Я похож на пшеничное зерно, которому может выпасть один из трех жребиев. Зерно могут скормить свиньям, его могут внести в дом, чтобы приготовить хлеб, его могут посадить в землю, чтобы одно стало тысячей.

Но между мной и пшеничным зерном есть одно различие. Зерно не может выбирать — пойти ему на корм скоту, стать хлебом или быть посаженным, чтобы умножиться. У меня же выбор есть, и я не брошу свою жизнь ни под ноги свиньям, ни в жернова неудачи и отчаяния, чтобы ее перемолола и поглотила чья-то воля.

Сегодня я стану достойнее во сто крат.

Чтобы пшеничное зерно проросло и умножилось, оно должно быть зарыто в землю, где темно. Мои неудачи, мое отчаяние, неведение и немощь — это тьма, в которую я был помещен, чтобы созреть. Подобно зерну, которое взойдет, только если о нем позаботятся дождь, солнце и теплый ветер, моя мечта воплотится только если я буду должным образом воспитывать свой ум и тело. Но, дожидаясь зрелости, зерно находится в зависимости от прихоти природы. Мне ждать не нужно, ибо я способен сам выбирать себе судьбу.

Сегодня я стану достойнее во сто крат.

Как это сделать? Сначала я поставлю цели на нынешний день, неделю, месяц, и на жизнь. Прежде, чем зерно раскроется и прорастет, должен пройти дождь. Прежде, чем моя жизнь определится, я должен иметь устремления. Ставя себе цели, я припоминаю свои лучшие достижения и умножаю их во сто крат. И это станет нормой моей жизни в будущем. Я никогда не буду беспокоиться о том, что мои цели слишком высоки, ибо не лучше ли, нацелив стрелу на луну, сразить только орла, чем, направив ее на орла, попасть в скалу?

Сегодня я стану достойнее во сто крат.

Цели мои высоки, но это не пугает меня, прежде чем я их достигну, я могу неоднократно споткнуться. Споткнувшись, я поднимусь и не буду озабочен своим падением, потому что все люди блуждают, прежде чем найдут дорогу к дому. Только червь не спотыкается, но я червь, не стебель лука, не овца, я — человек. Пусть другие строят из своей глины пещеры, я из своей построю дворец.

Сегодня я стану достойнее во сто крат.

Прежде чем взойдет пшеничное зерно, солнце должно прогреть землю, так же слова этих свитков должны согреть мою жизнь, и тогда мои мечты станут реальностью. Сегодня я превзойду совершен-

ное вчера. Сегодня я поднимусь на гору так высоко, как мне позволяют мои возможности, но завтра я поднимусь выше, чем сегодня, а послезавтра — выше, чем завтра. Превзойти других — в этом мало пользы, превзойти себя — в этом все.

Сегодня я стану достойнее во сто крат.

Как теплый ветер помогает пшенице вызреть, этот ветер донесет мой голос до других, и таким образом мои цели станут известны. Произнеся однажды эти слова, я не осмелюсь взять их назад, ведь это значит изменить себе. Я буду своим же пророком, и хотя многие посмеются над моими утверждениями, они все же услышат о моих планах, узнают мои устремления и мне невозможно будет отступить, мои слова должны стать завершенным делом.

Сегодня я стану достойнее во сто крат.

Я не стану преступником, который ставит перед собой низкие цели.

Я исполню ту работу, с которой неудачник не справится.

Мои стремления будут превосходить мои достижения.

Я никогда не буду удовлетворен состоянием своих дел на рынке.

Я всегда буду повышать цели по мере их осуществления.

Я всегда буду стремиться к тому, чтобы следующий час был лучше предыдущего.

Я всегда буду объявлять миру о своих целях.

И в то же время я никогда не буду сообщать о своих достижениях. Пусть лучше мир обратится ко мне с похвалой и пусть мне хватит мудрости принять ее спокойно.

Сегодня я стану достойнее во сто крат.

Одно пшеничное зерно умножится и даст жизнь сотне колосьев, которые умножатся во сто крат десятки раз, и ими можно накормить все города земли. А разве я не стою больше пшеничного зерна?

Сегодня я стану достойнее во сто крат.

И буду повторять это снова и снова, все более изумляя своим величием по мере того, как слово этих свитков осуществляется во мне.

Глава ШЕСТНАДЦАТАЯ

Свиток Девятый

Мои мечты бесполезны, мои планы — всего лишь прах, мои цели недостижимы, во всем этом нет проку, если они не закреплены действием.

Теперь я буду действовать.

Никогда не существовало карты, даже среди самых точных и подробных, которая переместила бы ее владельца хотя бы на один дюйм. Никогда не существовало свода законов, пусть и самого превосходного, который предотвратил хотя бы одно преступление. Никогда не существовало свитка, даже из тех, что у меня в руках, который сам произвел хотя бы один грош и этим вызвал бы слово одобрения. Действие — вот единственный фитиль, способный воспламениться и превратить в реальную силу карту, пергамент, этот свиток, мои мечты, мои планы, мои цели. Действие — это пища, которой будет вскормлен мой успех.

Теперь я буду действовать.

Я медлил, прячась из-за страха, но теперь я знаю тайный ход, который есть в глубине всех мужественных сердец. Теперь я знаю — чтобы победить страх, мне нужно всегда действовать без колебаний, и тогда сердце перестанет трепетать. Теперь я знаю, что действие превращает ужас величиной со льва в невозмутимость, маленькую, как муравей.

Теперь я буду действовать.

Отныне я буду помнить урок светляка, который светится только в полете, в движении. Я стану светляком, и мое свечение будет видно даже днем, при солнце. Пусть другие будут бабочками, крылья которых так красивы, но жизнь которых зависит от щедрости цветка. Я же буду светляком, и свет мой озарит мир.

Теперь я буду действовать.

Я не буду уклоняться от сегодняшних дел и откладывать их на завтра, ибо знаю, что завтра никогда не наступает. Я буду действовать, пусть даже мои действия не принесут удовлетворения или успеха, потому что лучше действовать и терпеть неудачу, чем бездействовать и не ошибаться. Счастье может и не стать плодом моих действий, однако, если ничего не делать, то в винограднике погибнут все плоды.

Теперь я буду действовать.

Я буду действовать, я буду действовать, я буду действовать

сейчас же. Я стану повторять эти слова раз за разом, каждый час, каждый день, пока они не станут такими же привычными, как дыхание, а последующие действия такими же естественными, как мигание глаз. Этими словами я заставлю свой ум принимать всякий вызов, от которого неудачник уклоняется.

Теперь я буду действовать. Я буду повторять эти слова снова и снова.

Пробуждаясь, я буду произносить их, и подниматься с постели в то время, когда неудачник еще спит.

Теперь я буду действовать.

Приходя на рынок, с этими словами я сразу же встречу первого покупателя, в то время, как неудачник еще только раздумывает о том, что ему могут отказать.

Теперь я буду действовать.

Подходя к закрытой двери, я скажу эти слова, постучу и войду, тогда как неудачник будет ждать снаружи со страхом и трепетом.

Теперь я буду действовать.

Встречая искушения, я произнесу слова, чтобы оградить себя от зла.

Теперь я буду действовать.

Когда появится желание отложить дело на завтра, я произнесу эти слова и буду действовать, чтобы продать хоть что-нибудь еще.

Теперь я буду действовать.

Только действие определит, чего я стою на рынке, и чтобы поднять цену, я умножу свои действия. Я буду приходить туда, куда опасается ходить неудачник. Я буду работать в то время, когда неудачник собирается отдыхать. Я буду говорить тогда, когда неудачник будет молчать. Я призову десяток покупателей в то время, когда неудачник раздумывает, как бы позвать одного. Я скажу "сделано" прежде, чем неудачник скажет "поздно".

Теперь я буду действовать.

Ибо все, что есть у меня — это сейчас. Ленивый хочет трудиться завтра. Но я не ленивый. Злой хочет стать добрым завтра. Но я не злой. Слабый хочет стать сильным завтра. Но я не слабый. Неудачник хочет преуспеть завтра. Но я не неудачник.

Теперь я буду действовать.

Когда лев голоден, он ест. Когда орел жаждет, он пьет. В бездействии оба погибнут.

Я жажду успеха. Я чувствую голод по счастью и покою в мыслях. Если я буду бездействовать, неудачи, страдания и бессонные

ночи поглотят меня, и я исчезну.

Я буду приказывать и сам подчиняться приказам.

Теперь я буду действовать.

Удача не станет ждать. Если я буду медлить, она обвенчается с другим и покинет меня навсегда.

Есть только это время, есть только это место и есть я — человек.

Теперь я буду действовать.

Глава СЕМНАДЦАТАЯ

Свиток Десятый

Есть ли такие маловерные, которые бы в момент, когда их положение было серьезно или в сильном горе, не воззвали бы к своему Богу? Кто не восклицал при столкновении с опасностью, смертью или непостижимой тайной? Откуда происходит этот глубокий инстинкт, открывающий уста всех живых существ в моменты опасности?

Махните рукой перед лицом другого человека, и он моргнет. Постучите по колену, и нога шевельнется. Напугайте человека и такое же глубокое побуждение заставит его произнести:

"О Боже".

Чтобы распознать эту великую тайну природы, мне не обязательно сосредотачиваться на религии. Все земные твари, включая человека, наделены этим инстинктом, побуждающим взывать о помощи. Почему мы наделены этим инстинктом, этим даром?

Не являются ли наши выкрики формой молитвы? Разве возможно, чтобы в мире, управляемом законами природы, ягненку, мулу, птице, человеку был дан инстинкт взывать о помощи без того, чтобы великий разум не предусмотрел некой высшей силы, способной слышать наши призывы и отвечать за них? Впредь я буду молиться, но мои просьбы о помощи будут лишь просьбами о водительстве.

Я никогда не стану молить о материальных вещах этого мира. Я не упрашиваю слугу, чтобы подал мне пищу, или владельца постоянного двора, чтоб дал мне комнату. Я никогда не стану просить золота, любви, здоровья, ничтожных побед, славы, успеха или счастья. Я буду молиться только о водительстве, чтобы мне был указан путь к приобретению этих вещей, и моя молитва всегда будет

услышана.

Водительство может прийти или не прийти, но в обоих случаях не будет ли это ответом на молитву? Если ребенок ждет, пока его накормит отец, а тот еще не вернулся с пищей, значит ли это, что он забыл о сыне?

Я буду молиться о водительстве, и буду молиться, как торговец:

Творец всего, помоги мне. Сегодня я вступаю в мир нагим и одиноким, и если твоя рука не направит меня, я далеко отклонюсь от дороги, ведущей к успеху и счастью.

Я не прошу ни золота, ни одеяний. Я даже не прошу возможностей, равных моим способностям, напротив, руководи мною так, чтобы я мог развить способности, равные моим возможностям.

Ты научил льва и орла охотиться и побеждать с помощью клыков и клюва. Научи меня охотиться со стрелами слов и побеждать любовью, чтобы я стал львом среди людей и орлом на торговой площади.

Помоги мне смиренно переносить трудности, но не скрывай от глаз моих награду, которую приносит победа.

Поставь передо мной задачи, перед которыми другие отступили, и научи меня, как извлечь из тех неудач семена успеха. Столкни меня с опасностями, которые закалят мой дух, но также надели мужеством смеяться над своими опасениями.

Дай мне достаточно времени для достижения моих целей, но также помоги прожить этот день так, как если бы он был последним.

Научи меня словам, которые были бы действительны, но удержи меня от клеветы и злословия на кого бы то ни было.

Воспитаю во мне привычку делать все новые и новые попытки, но покажи, как воспользоваться законом средних величин. Надели меня бдительностью, чтобы я мог распознать возможности, но и смирением, которое сосредоточит мои силы.

Омой меня в реках благих привычек, чтобы дурные привычки осели на дно, но даруй также сочувствие к слабостям других. Пошли мне страдания, чтобы я знал о том, что все проходит, но помоги увидеть благословения, полученные мной сегодня.

Но все это будет только по воле твоей. Я подобен маленькой и одинокой грозди, повисшей на лозе, но ты все же создал меня отличным ото всех остальных. Несомненно, мне должно быть отведено особое место. Наставь меня. Помоги мне. Укажи мне путь.

Пусть я стану таким, каким ты задумал меня, когда посадил мое семя и благословил его расти в мировом винограднике.

Помоги скромному торговцу.

Наставь меня. Боже

Глава ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Итак, Хафид продолжал ждать в своем опустевшем дворце, продолжал ждать того человека, который должен получить свитки. В обществе своего верного счетовода старик наблюдал смену времен года, старческая немощ отдалила его всяких дел, и он спокойно сидел в своем крытом саду.

Он ждал.

С того момента, когда он раздал свои богатства и распустил торговую империю, прошло еще три года.

Тогда-то со стороны восточной пустыни в Дамаск вошел с виду невзрачный хромым незнакомец и последовал прямо к дворцу Хафида. На пороге его остановил Эрасмус, как всегда вежливый и учтивый. Посетитель произнес: "Мне нужно поговорить с твоим хозяином".

Внешность незнакомца не внушала доверия. Рваные сандалии были привязаны веревкой, на загорелых ногах — множество царапин и ран, широкая набедренная повязка из верблюжьего волоса списала лохмотьями. Длинные волосы этого человека были спутаны, а глаза, покрасневшие от солнца, казались светящимися изнутри.

Эрасмус крепко держался за дверную ручку: "Зачем тебе нужен мой господин?"

Незнакомец сбросил с плеча сумку и умоляющим жестом протянул руки к Эрасмусу: "Прошу тебя, добрый человек, устрой мне встречу с твоим хозяином. У меня нет дурных намерений, и я не пришел за милостыней. Пусть он только выслушает меня, и, если ему не понравятся мои слова, я тут же уйду".

Эрасмус, все еще сомневаясь, медленно отворил дверь и кивнул, приглашая, затем повернулся и, не оглядываясь, быстро пошел к саду. Посетитель похромал за ним.

Хафид дремал в саду, и Эрасмус, нерешительно подойдя к нему, кашлянул. Хафид пошевелился. Эрасмус кашлянул еще раз, и старик открыл глаза.

— Прости за беспокойство, хозяин, но тут посетитель.

Хафид сел и пристально посмотрел на незнакомца, который поклонился и сказал:

— Не тебя ли называют величайшим в мире торговцем?

Хафид нахмурился, но кивнул утвердительно.

— Меня называли так в прежние годы. Этой короны уже нет на моей старой голове. Что тебе нужно от меня?

Посетитель был невысок, он смущенно стоял перед Хафидом и потирал рукой грудь. Блеснув светящимися глазами, он ответил:

Меня зовут Савлом, и я сейчас возвращаюсь из Иерусалима в свой родной город Тарсус. Пусть мой вид не смущает тебя. Я не разбойник и не уличный нищий. Я гражданин Тарсуса, а также и гражданин Рима. Я фарисей из еврейского рода Бенд-жамина, и, хотя я занимаюсь изготовлением шатров, я учился у великого Гамалиэля. Некоторые зовут меня Павлом.

Во время своей речи он слегка шатался, и Хафид, до этого момента еще сонный, извиняющимся жестом предложил ему сесть.

Павел кивнул, но продолжал стоять.

— Я пришел к тебе за руководством и помощью, которую можешь дать только ты. Позволишь, господин, рассказать тебе мою историю.

Эрасмус, стоявший позади посетителя, неодобрительно покачал головой, но Хафид не обратил на него внимания. Он пристально посмотрел на нарушителя своего покоя и согласился:

— Я слишком стар, чтобы смотреть на тебя, задрал голову. Сядь у моих ног, и я тебя выслушаю.

Павел поставил сумку на пол и преклонил колени возле молчаливо ожидавшего старика.

— Четыре года назад, когда истина была закрыта от меня знаниями, собранными за многие годы учебы, мне пришлось официально засвидетельствовать в Иерусалиме казнь святого человека по имени Стефан. Он был осужден и побит камнями по велению иудейского синедриона за оскорбление нашего Бога.

Хафид с недоумением прервал его:

— Я не понимаю, что общего у меня может быть с этим?

Павел поднял руку, как бы успокаивая старика.

— Я скоро объясню. Стефан был последователем человека по имени Иисус, который за год до смерти Стефана был распят римлянами, потому что призывал к бунту против империи. Стефан был обвинен за то, что называл Иисуса Мессией, о котором возвещали

иудейские пророки, он говорил также, что священство храма вошло в сговор с римлянами, чтобы убить этого сына Бо-жия. За такой упрек мудрейшим наказать можно только смертью, и, как я тебе уже говорил, я участвовал в этом.

Зная о моем фанатизме и юношеском рвении, мне дали письма от первосвященника Храма и поручили следовать в Дамаск, чтобы там искать последователей Иисуса, вязать их и препровождать в Иерусалим для наказания. Это было, как я уже говорил, четыре года назад.

Эрасмус взглянул на Хафида и был поражен выражением его лица, таким верный счетовод не видел старика уже много лет. Тишину в саду нарушало лишь журчание воды в фонтане. Затем Павел продолжил:

— Когда же я следовал в Дамаск с помыслами о кровопролитии, внезапная вспышка света озарила небо. Я не помню каким образом, но я упал наземь и, хотя перестал видеть, все же смог услышать голос, обратившийся ко мне: "Савл, Савл, что ты гонишь меня?" Я сказал: "Кто ты?", и голос ответил: "Я — Иисус, которого ты гонишь; встань и иди в город, и сказано будет тебе, что надобно делать".

Я встал, и спутники отвели меня за руку в Дамаск, там я три дня оставался в доме одного из последователей распятого, но не мог эти дни ни есть, ни пить. Потом пришел ко мне некто Анания, которому, по его словам, в видении было сказано прийти ко мне. Он возложил руки мне на глаза, и я снова стал видеть. Потом я ел, пил, и силы вернулись ко мне.

Тут Хафид приподнялся и спросил:

— Что было потом?

— Меня привели в синагогу, и появление мое, гонителя последователей Иисуса, вселило страх в сердца всех его приверженцев, но я все же проповедовал, и слова мои смутили их, ибо я говорил, что тот, кто был распят, воистину Сын Божий.

И все, слышавшие меня, заподозрили обман, ибо разве я не устраивал разорение в Иерусалиме? Я не мог убедить их в перемене моего сердца, и многие помышляли убить меня, так что я перебрался через стены и вернулся в Иерусалим.

В Иерусалиме повторилось то же, что и в Дамаске. Ни один из последователей Иисуса не сходил со мной, хотя и стало известно о моей проповеди в Дамаске. Все же я продолжал проповедовать имя Иисуса, но тщетно. Повсюду меня принимали враждебно, пока

я однажды не пришел к Храму, и во дворе, когда я смотрел на деньги, вырученные за голубей и ягнят для жертвоприношения, голос слышался снова:

— И что он сказал? — не удержался Эрасмус. Хафид улыбнулся, взглянув на старого друга, и кивнул, чтобы Павел продолжал.

— Голос сказал: "Около четырех лет с тобой Слово, а прошептал ты немногих. Даже слово Бога нужно уметь продать людям, иначе они его не станут слушать. Разве, не говорю я притчами, чтобы все могли понять? Возвращайся в Дамаск и найди человека, которого назвали лучшим в мире торговцем. Если хочешь донести мое слово миру, учись у него, как это сделать".

Хафид быстро взглянул на Эрасмуса, и старый казначей увидел в его глазах немой вопрос. Тот ли это, кого он так долго ждал? Великий торговец подался вперед и положил руку на плечо Павла: "Расскажи мне об этом Иисусе".

Когда Павел начал рассказывать об Иисусе и его жизни, речь его стала живее и свободнее. Он рассказал этим двоим о долгих ожиданиях иудеями Мессии, который должен прийти и объединить евреев в новое и независимое царство счастья и мира, об Иоанне Крестителе и о появлении на сцене истории человека по имени Иисус. Он говорил о чудесах, свершенных этим человеком, о его беседах с народом, о воскрешении мертвых, об отношении к менялам, о его распятии, погребении и воскресении. Наконец, как бы в подтверждение своего рассказа, Павел извлек из сумы красное одеяние и положил его на колени Хафиду.

— Господин, ты владел всеми мирскими богатствами, от которых отказался Иисус. Все, что у него было, он отдал миру, даже свою жизнь. А у подножия креста римские солдаты делили эту его одежду, кидая жребий. Она попала ко мне после долгих и трудных поисков, когда я последний раз был в Иерусалиме.

Хафид побледнел и стал дрожащими руками водить по одежде со следами крови. Эрасмус, встревоженный — состоянием хозяина, подошел ближе. Хафид продолжал вертеть халат до тех пор, пока не нашел маленькую звезду, вышитую на ткани... знак Тола, в мастерских которого шили халаты, закупаемые Патросом. Рядом со звездой был круг внутри квадрата... знак Патроса.

Павел с Эрасмусом. смотрели, как Хафид прижал халат к лицу, затем опустил голову. Это невозможно. За многие годы большой торговли тысячи халатов были сшиты Толлой и проданы Патросом.

Не выпуская халата из рук, Хафид спросил хриплым шепетом:

— Расскажи мне, что известно о рождении этого Иисуса. Павел сказал:

— Когда он уходил из этого мира, у него почти ничего не было, а когда приходил — и того меньше. Он родился в пещере, в Вифлееме, во время переписи Тиберия.

Мужчинам показалось, что Хафид улыбнулся, как ребенок, и они смотрели с недоумением, как по его морщинистым щекам капались слезы. Он смахнул их рукой и спросил:

— А не было ли над тем местом, где родился ребенок, самой яркой звезды, которую когда-либо видел человек?

Павел открыл рот, но не мог ничего сказать, да это было и не нужно. Хафид обнял Павла, и их слезы смешались.

Наконец, старик поднялся и позвал Эрасмуса:

— Верный друг, ступай на башню и возвращайся с сундуком. Наконец-то мы нашли нашего торговца.